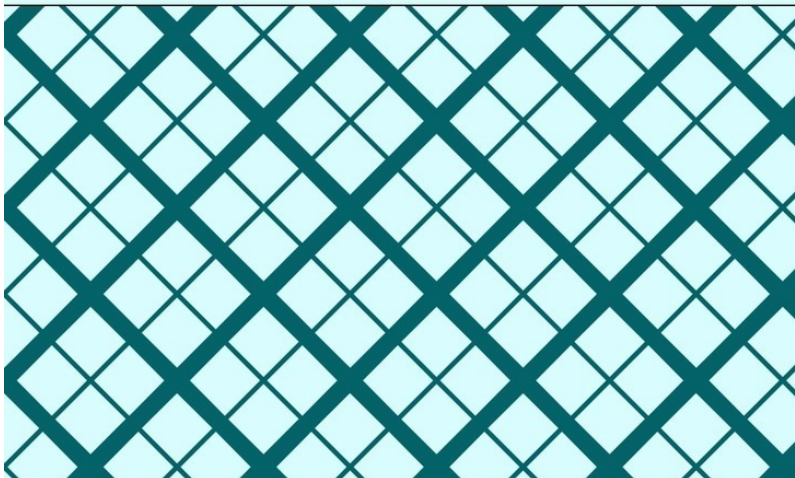

Султанбек Ибрагимов

Долгая дорога в никуда

Том 2

Султанбек Ибрагимов

Долгая дорога в никуда. Том 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45557735

ISBN 9785005050342

Аннотация

Первая часть романа происходит в первой половине девяностых. Когда после развала Советского Союза всем союзным республикам пришлось нелегко. Все это отразилось и на главных героях романа. Молодые люди искали свою дорогу в жизни.

Содержание

ЧАСТЬ II. РОССИЯ	5
Глава 2.1	5
Глава 2.2	53
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Долгая дорога в никуда

Том 2

Султанбек Ибрагимов

© Султанбек Ибрагимов, 2019

ISBN 978-5-0050-5034-2 (т. 2)

ISBN 978-5-0050-5035-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ II. РОССИЯ

Глава 2.1

Проснувшись от шума и суматохи, Уктам в первую минуту не понял, где находится. В последние дни непрерывная беготня, подготовка к отъезду, сборы да еще посиделки с друзьями, выпивка до ночи очень утомили его. Поэтому водка, выпитая вчера перед сном, подействовала, наверное, как крепкое снотворное. Спал он как убитый и теперь, проснувшись, никак не мог упорядочить собственные мысли и ощущения. Только тупо глядел, полулежа на верхней полке купе, на сидящих внизу.

Напротив сидели Мавлюда-опа с сыном, под его полкой Касым и Азад о чем-то беседовали. Младшего его брата — Ильхома, в купе не было. Заметив, что Уктам проснулся, Мавлюда Саидовна улыбнулась и сказала:

— Вот и соня проснулся. Доброе утро, молодой человек, вернее добрый день! Спускайтесь! Жждали мы Вас, — Ваш друг без Вас и завтракать не хочет.

— Ну, ты и спишь, Уктам! — подняв голову, сказал Касым. — Давай быстрее спускайся и пулей в туалет — занимать очередь! Следующая станция Каракалпакия, она пограничная. Там на два или три часа застрянем. Туалеты все закры-

ют, будешь искать потом. Вставай, что разлегся, соня?!

— Встал уже, бегу! — Уктам соскочил вниз. Начал было искать свою сумку, чтобы достать туалетные принадлежности, но Касым опять стал торопить его:

— Что ты ищешь? Ну, иди уж!

— Щетку и пасту хочу взять, — ответил Уктам, перебирая сумки внизу — под ногами у сидящих.

— Нашел время! Пораньше надо было встать! Теперь так иди — ничего с тобой не будет, если один раз зубы не почи-стишь. Прополощешь три раза по мусульманскому обычаю — всего и дела!

— Ну, ладно! А ты почему меня не разбудил? — упрекнул Касыма Уктам, вставая и направляясь в туалет.

— Жалко было! Ты спал так сладко — прямо как младенец! Вот и жалко стало будить тебя.

За окном солнце светило вовсю, в вагоне было более или менее тепло. Однако был явно ощутим колючий холод осенней степи. За окном медленно идущего поезда простиралась голая пустыня — плато Устюрта.

Холодный северный ветер гонял по нему редкие хлопья «белых мух», не то падавших с неба, не то поднимавшихся с сухих веток саксаула и верблюжий колючки. Кое-где на склонах небольших барханов лежали обледеневшие комочки выпавшего недавно снега.

Уктам с трудом пробирался по узкому проходу вагона, обходя торчащие края сумок, мешков и прочей клади, превра-

тившей и без того узкий коридор в непроходимый лабиринт. Он с великим удивлением смотрел вокруг и все больше поражался, недоумевая, как люди ехали в этом коммерческом поезде. Почти все купе были завалены доверху тюками, мешками и сумками.

Завалив спальные полки багажом, сами пассажиры обходились небольшим сидячим местом в углу. Муж и жена из соседнего купе одно из своих мест снизу доверху обложили мешками с луком, сами с еще одной большущей сумкой-«клетчаткой» приютились на второй полке. Спали они по очереди: один отдыхал, полусидя на полке и облокотившись на эту самую сумку. А второй в это время коротал ночь, сидя на полу. Одно купе было полностью забито мешками. Как потом объяснил Касым, двое парней — владельцы этих самых мешков, купили пять билетов на двоих. Поэтому они смогли полностью занять купе грузом. А сами ехали на боковой полке рядом.

— Да, до чего может довести людей нужда? — поражаясь увиденному, думал Уктам, пробираясь в конец вагона. — На любые трудности, тяготы, унижения готовы бедные люди ради выживания, ради своих детей, ради семьи! До каких пор это будет продолжаться? Сколько времени потребуется Узбекистану, чтобы оправиться после распада союза и передела собственности в Ельцинской России?

Да и наши хороши! Возрадовались, что теперь могут править народом сами, без указки из Москвы. Рахим хоть и ци-

ник, но во многом он прав. Пять лет прошло со дня провозглашения независимости, с развала СССР, а что мы имеем? Абсолютно ничего.

Наоборот, экономика и без того дышавшая на ладан, полностью развалилась, народ с каждым годом все беднеет и беднеет. Дошло до того что повсеместно по республике появились проститутки — платные жрицы любви. Никогда раньше такого не было!

Если в городе унихузнавали про супружескую измену или про незамужнюю девушку, забеременевшую по любви, — это было трагедией не только для семьи, но и для всего города. А сейчас что? Пообсуждают, проклянут и через некоторое время позабудут. У каждого своих проблем по горло. Некоторые и осуждать перестали и даже оправдывать стали таких, говоря:

– Что им остается делать? Жизнь их заставляет, не подышать же с голоду. Реальность и на самом деле такова. Жить становится все труднее и труднее.

Все эти мысли проносились у него в голове, пока он, спотыкаясь или перепрыгивая через препятствия, добирался до двери уборной в конце вагона. Возле туалета очередь стояла не очень большая. Ильхам стоял вторым. Онуказал на Уктама стоящему позади него мужчине и сказал:

– Вот этот парень занимал после меня.

Мужчина с недовольным видом согласился, пропустив его вперед. Обрадованный Уктам встал следом за Ильхамом.

Тот в целях конспирации ничего не сказал, только незаметно подмигнул ему одним глазом.

Когда Уктам вернулся, вся вчерашняя компания была в сборе. На купейном столике был накрыт завтрак, состоявший из оставшегося мяса, сомсы, лепешек и вареных яиц. Их было штук восемь или десять. Только что принесенный чай разливали в стаканы и другую посуду.

– Ну, вот и он. Садись! – указал Касым на место рядом, а сам плотнее прижался к борту вагона.

– Спасибо, друг! —поблагодарил Уктам Ильхама за то, что помогбыстрее попасть в туалет. – А то я бы долго там стоял. Как ты догадался?

– Не за что! По привычке —я всегда так делаю, когда стою в очереди. Вдруг подойдет кто-нибудь из знакомых. Сделаешь ему что-нибудь приятное, и он тебе когда-нибудь услужит, —довольный своей смышленостью, проговорил Ильхам.

– Разумно и логично! —похвалил его Касым. – Вот учти, Уктам, —это всегда пригодится!

– Учту, —согласился Уктам, усаживаясь рядом с другом. Завтрак и чаепитие прошло с относительной неспешностью. Поезд, постепенно замедляя ход, приближался к последней пограничной станции республики. Здесь предстояла остановка часа на два или больше с проверкой паспортов, досмотром багажа и прочей нервотрепкой.

Спешить было некуда. Поэтому Касым, вальяжно отки-

нувшись на бок, подмяв левым локтем подушку под себя, не спеша съедал то кусочек мяса, то половинку яйца, заедая кусочком лепешки и запивая несколькими глоточками чая.

Да и остальные тоже вели себя так же. Если не считать Давлата, который, не смотря на просьбы матери, отказывался съесть еще что-нибудь. Видимо, он плотно позавтракал, и у него действительно не было аппетита. Раз за разом он упорно отталкивал руку матери, предлагающую ему что-нибудь съестное.

— Не хочу я, мама, — наелся уже! — отказывался он.

Разговор как всегда в таких случаях шел о пограничниках и таможенниках. Вяло ругали и своих, и казахских, поминая добрым словом российских, которые были менее придирчивы и более доброжелательны. Не особенно докапывались до всего, редко проверяли ввозимый груз.

Пассажиры еще не знали, что ожидает их в будущем, когда Узбекистан через год введет резкое ограничение на вывоз ряда товаров за пределы республики. Какие трудности и невзгоды, а порой и трагедии, ожидают их. Скольким таким же челнокам это будет стоить конфискации всего товара и денег, сколько будет слез и горя. Об этом сегодняшние челноки узнают позже — через год или два.

Поезд давно уже остановился. Прошло более полутора часов, прежде чем в их вагоне послышались строгие голоса проверяющих. Группа состояла из нескольких пограничников, сотрудников таможенной службы и транспортной ми-

лиции. Остановливаясь около каждого купе, они скрупулезно проверяли паспорт каждого пассажира. Задавали ничего не значащие вопросы. Пристально всматривались в лицо путника, сравнивая мысленно, а иногда и глядя на имеющиеся при себе фотографии беглых преступников. Пассажиров это приводило в замешательство.

Подобные психологические приемы неоднократно прошли проверку в других странах. Пограничники Узбекистана перенимали подобный полезный опыт во время учебных занятий или служебных командировок в другие государства.

Шли минуты томительного ожидания, разговор между попутчиками не клеился. Если кто-то начинал говорить на отвлеченную тему, то очень быстро замолкал, понимая, что никто не слушает. Ничего запрещенного они не везли и противозаконных действий не совершали. Однако самим своим присутствием люди в погонах создавали напряженную обстановку, которая угнетающе действовала на пассажиров. Иногда где-то слышались негромкие разговоры: пассажиры из соседних купе наскоро перекидывались несколькими словами, но быстро замолкали. Наконец, процессия подошла к нашим героям. Половина группы остановилась напротив, остальные начали проверять документы у соседей.

Пограничник взял паспорт Уктама, сидящего ближе, и начал медленно перелистывать страницы, временами пристально разглядывая его самого. Таможенник в то время расспрашивал по очереди всех присутствующих. Сначала зада-

вал мало значащие вопросы типа: «Как едете, удобно ли в вагоне?». И вдруг, резко переходя на официоз, жестко спрашивал:

— У кого из вас имеется запрещенная на вывоз продукция — вещи, наркотики, антиквариат? Не получив ответа, он еще строже продолжил: — Я предупреждаю! Вы понимаете, что будет, если мы сами найдем? Еще хуже будет, если казахская таможня что-то обнаружит. Они не будут церемониться с вами, враз за решеткой окажетесь! Поэтому если есть что-нибудь подобное, советую добровольно сдать. Мы здесь пойдем на уступки, учитывая чистосердечное признание. Не мешкайте, иначе будет поздно!

Затем человек в форме стал пристально смотреть на каждого. Когда его взгляд остановился на Касыме, тот еле заметно усмехнулся краешком губ и нехотя заговорил:

— Командир! Мы не первый год ездим и законы знаем. Слава Аллаху, еще ни разу не нарушали.

После его реплики оживилась и Мавлюда Саидовна:

— Что вы, ребята, какие у нас незаконные товары?! Мы — люди простые, незачем нам криминальными делами заниматься. Что положено законом-то и возим. Вы же сами понимаете, — надо же как-то выживать, сынок!

То ли ухмылка Касыма подействовала на них, то ли причитание Мавлюды Саидовны, но после этого сотрудники не стали долго задерживаться. Только внимательно посмотрев на братьев, спросили:

— И вы тоже не впервые едете?

Те немного смутились, Азад первым овладел собой и ответил:

— Начальник, мы первый раз, но, надеюсь, если даст Аллах, — не последний! А запрещенного у нас нет ничего, — можете проверить, и пододвинул одну из своих сумок.

После этого таможенники молча прошли дальше. Сотрудник милиции отошел к соседнему купе немного раньше.

Еще около часа продолжалась проверка, пока не проверили все вагоны. Наконец, поезд медленно тронулся. На казахском пограничном пункте простояли примерно столько же. Все повторилось, только вопросы задавали на русском или на казахском языке. А в остальном — те же манеры, те же взгляды, те же коварные вопросы.

На границе двух республик, поезд простоял почти пять часов. Наконец состав все-таки поехал, постепенно набирая обороты.

За окном простиралась все та же степь со скудной растительностью и невзрачным видом.

Вздыхнув с облегчением, пассажиры немного оживились и начали двигаться по вагону. Естественно, первым делом большинство ринулось к туалету. В вагоне работала только одна из двух туалетных кабин. Вторая, расположенная около служебного купе, была закрыта под предлогом ремонта. Хотя всем было известно, что она доверху забита мешками и сумками постоянных клиентов ушлых проводников. На недо-

вольные замечания пассажиров они с виноватым видом отвечали:

— Что мы сможем поделаться? Поломалось вот некстати, — потерпите чуть-чуть. На крупной российской станции вызовем мастеров, они и починят.

Конечно, было понятно, что на ближайшей российской станции туалет попросту освободят от груза.

Естественно возле дверей туалета образовалась изрядная очередь, дошедшая чуть ли до середины вагона. Всем было настолько невтерпеж, что мужчины, вернее молодые парни, знакомые меж собой, умудрялись заходить вдвоем сразу. Видимо, как в пошлой русской поговорке: «Двое мужиков в одну дырку — хоть как, мужик и баба — кое-как, две бабы — никак». Утам с Касымом тоже не стали пренебрегать народной мудростью, как и братья Азад и Ильхам. Были и такие, которые, не выдержав натиска, обливали междувагонное сцепление, следуя другой не менее циничной пошлости: «Пусть лучше лопнет моя совесть, чем мочевого пузыря».

Последней вошла в туалет Мавлюда-опа. По жизни женщины отличаются от мужчин терпеливостью даже в таких щекотливых вопросах. Однако глядя на то, с какой поспешностью она последней направилась в сторону уборной и особенно с каким сияющим от облегчения лицом она вернулась, не трудно было догадаться, каких усилий стояла ей его терпение.

Теперь, когда это было позади, вдруг все разом вспомни-

ли, что очень проголодались. С этими погранично-таможенными проверками они совсем забыли про обед. Первым, как ни странно, об этом напомнил Давлат. Когда все под впечатлением недавней проверки и последующей беготни в туалет занялись невинный трепом, он потянулся за ломтем лепешки, торчащей из-под салфетки. И тут все вспомнили, что обед давно прошел, а теперь пора ужинать.

Все засуетились, закопошились по сумкам, доставая припасы. Давлат, не ожидая просьбы, побежал за кипятком. Его мать в приподнятом настроении стала накрывать на стол. В освобожденный еще вчера контейнер из-под жареной картошки с мясом она порезала салат из помидоров, лука и огурцов. Вытащила из своих запасов несколько котлет и разрешила их пополам, чтобы всем досталось. Сама выложила на лепешку мясо из банки Уктама. На столе появились сразу две бутылки водки — Уктама и вчерашняя не выпитая — Азада.

— Может, одной хватит, ребята? — попыталась умерить их аппетит Мавлюда Саидовна, на что все дружно возразили словами:

— Ну, что Вы, Мавлюда-опа! Как-никак первый кордон прошли. Это одной бутылкой не обмоется.

Чай, принесенный Давлатом, встретили веселыми возгласами одобрения. Усевшись поближе к столику, дружно принялись за трапезу, совмещавшую в себе и обед и ужин.

Незаметно на степь опустилась ночь, — вторая ночь их пу-

тешества. Поезд мчался по просторам Казахстана. Неприглядная мгла стояла за окном. Ни одной светящейся точки не было видно на многие километры вокруг.

— Ну что, выпьем, наверное, за первый пройденный барьер на нашей нелегкой дороге! Дай бог, чтобы и в дальнейшем все у нас складывалось так же благополучно, как сегодня! Чтобы вся поездка наша была удачной, и каждый из нас достиг своей цели! — предложил тост Касым, когда водка была разлита.

— Правильно! За удачу! — поддержали его остальные.

Настроение у всех было хорошее. Пили и кушали с удовольствием. Теперь уже какая-нибудь шутка, порой не блестящая остроумием, вызывала всеобщее веселье. Даже Давлат, за все время, проведенное в пути, ни разу не улыбнувшийся, поддавшись всеобщему настроению, и влился в компанию.

Люди, еще сутки тому назад совершенно незнакомые, даже не подозревавшие о существовании друг друга, сегодня сидели в тесном купе почти вплотную и чувствовали себя вполне уютно. Общались между собой как старые знакомые, не видевшиеся несколько лет, а теперь повстречавшиеся вновь. Говорили тосты, совершенно похожие друг на друга, пили за здоровье всех присутствующих, за здоровье их родных и, конечно, за удачный вояж. Как и вчера пили вчетвером. Мавлюда-опа и Давлат от алкоголя отказались. Тем не менее, настроение у них было не хуже, чем у пьющих.

— Какой все-таки малости достаточно человеку, чтобы он, позабыв о недавних переживаниях и заботах, об обидах и злобе, почувствовал себя вполне счастливым! — думал Уктам, глядя на весьма довольные лица своих попутчиков.

За редким исключением, в других купе происходило то же самое. Пассажиры, празднуя преодоление первого препятствия, отмечали это событие звоном разносортной посуды. Говорили те же самые банальные тосты, вели пустые, ни к чему не обязывающие, разговоры, были в таком же приподнятом настроении.

Когда Азад, разлив остатки водки из второй бутылки, убрал ее куда-то вниз, его брат Ильхам засуетился, копаясь в своей сумке. Касым, поняв его намерение, остановил:

— Ильхам, оставь! Хватит, — больше не будем! Дорога у нас длинная, успеем еще выпить и твои запасы и мои, а то еще и покупать будем, если поездка будет удачная. Дай-то бог!

Азад хотел было поддержать брата, но Касым безапелляционно заявил:

— Нет, все! Больше не будем пить. Допьем вот это — и все. Уже поздно, завтра надо до рассвета встать, чтобы успеть умыться привести себя в порядок. Рано утром уже будем в Ганюшкино на казахско-российской границе. Там предстоят таможенные и пограничные проверки. Простой в итоге довольно долго. Там, конечно, не как на узбекской границе, но все равно не менее двух часов займет по обе стороны. Так

что давайте закругляться. Поспать надо хотя бы чуть – чуть.

– Правильно! —поддержал его Мавлюда Саидовна. —Все очень устали от этого пятичасового напряжения. Давайте отдохнем немного, ребята!

– Тогда от Вас и последний тост, Мавлюда-опа! —поймал ее на слове Уктам. —Сегодня, наверное, скажете, несколько хороших слов, опа?! А то мы —мужики, говорим одно и то же по несколько раз, так что пить уже не хочется.

– Правильно Уктам! Мавлюда-опа скажите, что-нибудь! Вы все-таки самая старшая среди нас и единственная женщина, —хотя бы поэтому, Вы должны сказать.

– Вы что, думаете, я тосты умею говорить? Говорите сами, —у вас это прекрасно получается! —попробовала женщина еще раз уклониться.

– Ну, скажите, что-нибудь хорошее! У Вас что, двух слов хороших для нас не найдется? К тому же Вы —учительница. А учителя, как известно, только языком зарабатывают на жизнь, —не очень удачно пошутил Азад. Но Мавлюда Саидовна сделала вид, что не обратила внимания на слова. Поступив тем самым очень разумно —мало ли подвыпивший мужик может болтать.

– Ну, хорошо! —согласилось женщина после короткой паузы.

– Может, налить вам чуть-чуть, опа? —предложил Азад. А то без водки, какой же это тост?

– Нет-нет! Я и без водки могу сказать, вот с чаем скажу,

—отказалась она. —Раз вы так настаиваете, —скажу, —согласилась Мавлюда Саидовна, сделав опять паузу.

— Что я вам хочу сказать, ребята? —чуть призадумавшись, начала она. —Вы люди все молодые, у вас у всех семьи. Ради ваших семей вы живете и работаете, невзирая на все трудности и невзгоды. Вы мотаетесь по чужим краям ради благополучия ваших семей, ваших детей и жен, ради них вы готовы на все. Поэтому, прежде всего, желаю вам и вашим семьям благополучия, мира и достатка. Чтобы вы вернулись к семьям вашим, детям и женам, с нетерпением ожидающим вашего возвращения, в добром здравии и в радости. Чтобы осчастливили близких не только своим приездом, но и плодами вашего нелегкого труда. Пусть поездка ваша будет удачной!

— И еще несколько слов, с вашего позволения, хочу сказать, —сделав секундную паузу, продолжила Мавлюда Саидовна. —Как я уже сказала, вы —ребята молодые. На чужбине, да и не только там вас ожидают разного рода соблазны, не поддаться которым в вашем возрасте сложно. Поэтому в таких случаях мой вам совет: подумайте о ваших семьях, о детях и о ваших женах, которые ждут вас дома, которые любят вас. Берегите любовь ваших близких, ваших семей, детей и жен. За вас, ребята, и за ваши семьи! —закончила она под бурное разноголосое одобрение присутствующих.

— Рахмат, опа, за Ваши слова! —поблагодарил ее Касым,

чокаясь со всеми и выпивая.

— Ура! — почему-то вскричал Ильхам, подняв левую руку, и держа стакан вправой.

Лишь Азад, допив водку, поставил на столик свою чашку, пожевал какую-то закуску и заметил:

— Опа, это у Вас получился не тост, а, скорее, учительское наставление какое-то.

— Ну, извините! Как смогла! — не обидевшись, согласилась она.

— Нет, почему? Вы все правильно сказали, еще раз спасибо за ваши добрые слова! — вступился Касым. — Разве не ради наших семей мы трудимся, проливаем пот, терпим любые невзгоды?!

— Да, я не о том! Я о соблазнах, которые нас ожидают. Какие могут нас ожидать соблазны? — попытался оправдаться Азад.

— Всякие! Опа права. Но давайте об этом завтра поговорим! А сегодня пора и честь знать, как говорят русские. Пора уже отдохнуть! — закончил разговор Касым, вставая и собираясь выйти из купе. — Уктам, не хочешь покурить? — пригласил он друга с собой.

— Конечно, хочу, и давно хочу! — с великой радостью отозвался Уктам.

— Я тоже с вами! — последовал за ними Ильхам.

В вагоне почти все уже спали. Только в одном купе трое молодых парней, негромко переговариваясь, кажется, до-

пивали не то чай, не то какой-то другой напиток. Да еще в передних купе слышались негромкие голоса и такой же негромкий звон посуды. Там банкет еще продолжался.

В пустом тамбуре, куда вышли друзья, было довольно-таки холодно. Пол был весь усыпан растоптанными окурками, горелыми спичками и комками замерзшей грязи. Обе дюралевые пепельницы были набиты так, что крышки не закрывались. Несколько помятых и брошенных на пол пачек из-под сигарет дополняли всю картину.

— Ух, как холодно! — поёжился Касым, прикуривая и давая прикурить Уктам и Илхаму.

— Хорошо, хоть куртки догадались накинуть! — заметил Илхам, плотнее закутываясь в свою куртку.

Его примеру последовали и Уктам с Касымом. Мужчины стояли, одной рукой плотно держа соединенные полы курток, а второй докуривая сигарету. Курили в спешке, делая частые глубокие затяжки и выпуская дым ртом и носом. Сделав подряд две глубокие затяжки, бросив и растоптав окурки, Касым поспешил к выходу.

— Я — в туалет, — бросил он, покидая тамбур.

Когда Уктам вернулся в купе, Касым, забравшись на свою полку, готовился ко сну. Давлат уже спал, мать его еще сидела. Видимо ждала возможности спокойно улечься, после того как лягут все.

— Спокойной ночи, опа! — пожелал Уктам женщине, забираясь на свое место.

— Вам также! — ответила она, укладываясь спать.

Было еще ночь, когда Уктам, почувствовал, что кто-то те-
ребит его.

— Вставай, вставай же! — это был Касым.

— Что? Что случилось? — спросонья не понял он.

— Вставай, говорю! Иди, умойся, приведи себя в порядок.
Скоро граница будет. Проводники начнут скоро всех будить.
Тогда в очереди больше часу прстоишь.

— Какая очередь, о чем ты? Мы же только легли! — не по-
нял Уктам.

— Ты на часы посмотри — почти шесть часов будет, как
спишь. Вставай, я уже умылся. Теперь опять ложусь спать.
Вернешься, — разбуди кого-нибудь из купе, — подсказал Ка-
сым, укладываясь спать.

Но в этом нужды не было. Услышав их шепот, как бы тихо
они не говорили, проснулась Мавлюда Саидовна. Она, чуть
приподнявшись, сказала:

— Вы идите, Уктам! Я сама разбужу еще кого-нибудь.

Посмотрев на часы, Уктам убедился, что и на самом де-
ле проспали они около шести часов. Ему показалось, что он
не поспал и пяти минут. Стараясь не шуметь, он спустился
с полки и направился в сторону туалета. На обратном пути он
встретил Давлата, плетущегося с недовольным и сонным ви-
дом. Проходя мимо, он что-то буркнул. Кажется, и сам не по-
нял, что сказал.

Когда Уктам снова ложился, Мавлюда Саидовна будила

одного из братьев.

Спросонья Уктам слышал, как проводники стали будить пассажиров, предупреждая о скорой остановке.

— Вставай, соня! — опять будил его Касым, когда Уктам открыл глаза. — Вставай! Мы уже час стоим. Сейчас таможенники и пограничники сюда заявятся.

— Где мы? — задал глупый вопрос Уктам.

— Где, где! На границе мы. Спускайся, приведи себя в порядок.

За окном было уже светло. Еще два часа с лишним проспал Уктам мертвецким сном. Поэтому теперь он чувствовал прилив силы и энергии. Легко соскочив с верхней полки, он уселся рядом с другом. Чувствовал он себя легко и бодро.

Не прошло и четверти часа, как пожаловали представители пограничной и таможенной службы Казахстана. Их, естественно, сопровождала и казахская транспортная милиция. Куда же без нее?

Началась проверка документов. Повторилось то же самое, что и на узбекско-казахской границе. Та же тщательная проверка, то же пристальное, изучающее разглядывание каждого пассажира. Те же самые коварные вопросы и контрольный досмотр некоторых мест багажа. Опять унизительно пренебрежительное отношение к проверяемым. Прошло более полутора часов, прежде чем они пересекли границу Казахстана и оказались на территории России.

На российской пограничной таможне, конечно, проверки

и досмотры повторились, но были проведены в убыстренном порядке. Российские таможенники и пограничники были намного снисходительнее и доброжелательнее. С пониманием относились к «челнокам» и гастрбайтерам, не от хорошей жизни едущим к ним.

Конечно, совсем отказываться от взяток представители российских служб еще не отучились. Однако они знали, у кого и сколько брать. А обирать мелких торгашей они, по-видимому, предоставляли казахским и узбекским коллегам.

Потеряв в общей сложности более четырех часов, поезд остановился на первой российской станции в городе Аксарайске. На этот раз наши герои, не дожидаясь, пока состав снова тронется, позавтракали во время проверок в других вагонах. Теперь, когда поезд сделал пятнадцатиминутную остановку на первой станции, почти все ринулись на перрон. Пассажирам хотелось осмотреться, подышать свежим воздухом.

Не успел Уктам выйти из вагона, как в нос ударил отвратительно тяжелый запах тухлых яиц.

— Что это за вонь такая? — сморщив нос, спросил он у спустившегося вслед за ним Касыма.

— А это — милый запах России! — пошутил тот, улыбаясь.

— Нет! Seriously, чем это так отвратительно воняет? — не унимался Уктам.

— Да не бойся! Это серой воняет, — здесь не далеко завод, газоперерабатывающий. Когда ветер с той стороны дует, —

вот и несет эту вонь.

— И как же здесь люди живут? — удивился Уктам.

— Живут как-то. За это и платят им, наверное, вдвойне. А вообще здесь мало народу живет, — городишко небольшой совсем. Астрахань, в семидесяти километрах отсюда, по-моему, оттуда в основном и едут сюда работать, — пояснил Касым.

В это время на перроне начался какая-то возня, вернее самая настоящая торговля. Из вагонов выходили пассажиры, вытаскивая свои тюки и мешки, и прямо на перроне получился самый настоящий базар. Оказывается, прибытия поезда ждали. Ждали местные торговцы овощами и зеленью. В основном, это были уроженцы Узбекистана или азербайджанцы. Заранее предупрежденные, они ждали своих поставщиков. Каждый у того вагона, в каком должен был прибыть его непосредственный компаньон. Некоторые из них выехали на своих легковушках прямо к поезду.

Не переставая удивляться, Уктам опять спросил Касыма.

— Не понял, что это за базар?

— Тебе еще многое предстоит узнать в нашем деле, Уктамчик.

Как потом объяснил Касым, — у тех и у других все давно уже было доведено до автоматизма. Это были в основном «зеленщики» и некоторые торговцы овощами, например, чесноком. Везли они огородную зелень: укроп, петрушку и прочую скоропортящуюся продукцию. У каждого из них

был четко налажены каналы закупки и реализации товара. Как правило, была «своя» станция вблизи небольшого города, куда они доставляли продукцию огородников Узбекистана. Все было отработано и обкатано до мелочей.

В день отъезда заранее предупрежденные огородники с раннего утра всей семьей, иногда даже привлекая наемных работников, начинали заготовку товара. Собирая урожай с грядок, выдергивали зелень с корнем, чтобы дольше хранилась. Обмывали, связывали пучками, затем тщательно пересчитывали и укладывали в интенсивно влажные холщовые мешки. Сверху мешки оборачивали полиэтиленом для сбережения влаги. Затем, прочно обвязав крепкой бечевой или стальной проволокой, ждали перекупщиков. Те, подъехав за три-четыре часа до отправления поезда, забирали товар и везли прямо к поезду.

Несколько суток, пока поезд едет до ближайших городов России, зеленная продукция вполне сохраняет свою свежесть. На станциях прибытия ее ждут такие вот свои оптовые покупатели, торгующие на местных рынках в розницу. За несколько минут во время остановки поезда небольшую партию товара успевают сбыть оптовикам или оставить на реализацию, чтобы получить деньги на обратном пути. И так на каждой станции — по одному или два мешка. До конечной станции у них практически ничего не остается. В крайнем случае, — совсем немного, что можно продать без особого труда по прибытии на место назначения. — Ну

что, пошли в вагон! Попутчики уже закончили свои торги. — Хоть ноги размяли чуть-чуть, — закончил свой ликбез Касым. — Дышать этим запахом стало невыносимо, хотя и вагон весь, наверное, провонял уже.

Довольно быстро распродав товар, «зеленщики» тоже спешили обратно по своим вагонам. Поезд начал движение, постепенно набирая обороты, и покатился теперь уже по степным просторам России. Ландшафт за окном мало изменился. Если не считать того, что растительность стала погуще, да кое-где вдали виднелись макушки камышовых зарослей.

За весь день пути поезд сделал несколько двадцатиминутных остановок на небольших станциях. На каждой станции поезд, как и в Аксарайске, поджидали перекупщики. Пассажиры, то есть туристы-коммерсанты рассыпались по платформе, и начинался привоз-базар.

Вскоре после отъезда из Аксарайска Касым предупредил Уктама, что на следующей станции они тоже начнут торговлю. Минут за десять до прибытия на станцию, он по примеру Касыма подготовил небольшую часть товара для продажи. Как только поезд остановился, тяжело скрипя тормозами, народ повалил на перрон.

Друзья спустились на платформу. Там их поджидал человек. Это был знакомый Касыма, торговавший на местном рынке. Узбек, говорящий с явным бухарским акцентом. Касым познакомил их:

– Хабиб, это Уктам, мой друг —я говорил тебе про него

по телефону.

— Да, конечно, ака-Касым, я помню. Поэтому я тоже пришел со своим другом, чтобы он брал товар у него.

Хабиб поднял руку и знаком подозвал парня, стоявшего в стороне. Тот подошел.

— Его зовут Наби. Теперь будете работать вместе, — познакомил их Хабиб. — Расчет, как и договаривались, по реализации. — Так ведь ака-Касым? — спросил бухарец.

— Да нет, Хабиб! Мы договаривались, что ты на обратном пути рассчитаешься.

— Ну да! К тому времени, надеюсь продать весь товар! — слукавил Хабиб.

— Не знаю, Хабиб, продашь или не продашь, но деньги к нашему возвращению приготовь. Нам ведь тоже с поставщиками надо рассчитаться. Сам понимаешь, в нашем деле один раз не исполнишь обещание, — в следующий раз никто тебе не даст товар на реализацию.

— Понимаю, ака-Касым, конечно, понимаю! Все будет нормально! — заверил Хабиб.

— Друг твой, надеюсь, тоже не подведет.

— Не подведет! Я за него отвечаю! — еще раз заверил Хабиб. — Позвонишь, как будете ехать обратно, не будет меня, — скажешь хозяйке моей.

Передав часть товара, они распрощались, пожав друг другу руки.

— Касым, а они не обманут? Больно уж хитро-мудрым по-

казался мне этот Хабиб! —засомневался Уктам.

— Не обманет, —не бойся! Обманет, — им же самим дороже обойдется.

— Как так? —не унимался Уктам.

— Все просто. Здесь в России такие вопросы решаются быстро. В каждом городке имеется свои решатели подобных вопросов, то есть бандиты-рэкетиры. Они вообще-то не очень прессуют, только таких, как мы, мелких торговцев, иногда по мелочам обирают. Понимают —если обложить нас десятипроцентной данью, как крупных коммерсантов, — нам не выжить. Но если кто-нибудь обратится к ним, скажет, что кинул его кто-то, —тогда берегись! Ничего не поможет. Отберут в два раза больше, чем должен был, да еще штрафы наложат. И еще отдубасят, чтобы в следующий раз неповадно было. Тебе долг вернут и себе столько же оставят. И ты еще что-нибудь им подкинешь. В благодарность за труды, так сказать!

— А если убежит, переедет в другой город или совсем уедет из России? —не отставал Уктам.

— Ну, ты заколебал, Уктам! Куда уедет, какой ему резон от этого? Мы что, на несколько тысяч долларов товару оставили? Зачем ему из-за каких-то твоих пятидесяти-ста баксов терять нажитое место на рынке, где его каждый знает, где он всех знает? Где давно ужеу него все налажено? Он не захочет терять постоянных поставщиков. Что тебе еще не понятно? —начал сердиться Касым.

— Все-все, вопросов больше нет! — улыбнулся Уктам. — Я же просто так, для общего развития.

— Ну вот, теперь имеешь представление, — закончил Касым, поднимаясь в вагон.

С каждой последующей станцией в вагоне становилось просторнее. Тюки, сумки, загромождавшие проход или занимавшие половину спальных полок, понемногу исчезали. В купе стало удобнее. Опытные пассажиры-коммерсанты постепенно избавлялись от своего багажа. Труднее было новичкам, вроде братьев Азада и Ильхама. У них еще не было постоянной клиентуры, как у многих в поезде. Поэтому им приходилось распродавать свой товар за наличный расчет и в очень малом количестве.

— Ничего! — успокоил их Касым. — Завтра будет Саратов. Это большой город, и стоянка там будет на целый день. Это же туристический поезд. Поэтому, как и положено, будет дневная остановка, чтобы народ смог ознакомиться с местными достопримечательностями. Понятное дело, конечно, никто ни с чем знакомиться не будет. Все займутся торговлей, и вы в том числе. А потом в Казани тоже целый день пробудем. А на конечной — в Нижнем Новгороде, по моему, двое или трое суток простоим. Так что волноваться не стоит, — успеете весь свой товар распродать. Да еще и времени уйма останется.

Так и получилось. Утром следующего дня поезд прибыл в Саратов. Объявили двенадцатичасовую остановку до вось-

ми вечера.

На привокзальной площади развернулся самый настоящий восточный базар. Туристы-торговцы, разложив перед собой прямо на асфальте свои товары, начали торговлю. Что только не продавали! Как и водится на восточном базаре, не было никакого порядка, все лежало вперемешку.

Женщина сразу раскрыла свою клетчатую сумку-«челночницу» и разложила прямо на ней товар — нижнее женское белье. Рядом двое мужчин сложили друг на друга шесть или семь мешков с луком и чесноком и развернули торговлю с помощью ручных весов. Рядом, кажется, муж и жена продавали постельное белье, носки и какие-то ткани. За ними опять торговали овощами: морковью, зеленой узбекской редькой и зеленью. И так по всей площади и прилегающей территории.

Местная милиция, сперва растерявшаяся от такого наплыва торгового люда, позже попыталась навести порядок, но было уже поздно. Невозможно было прикрыть этот огромный базар. Ведь больше тысячи человек торговали здесь. Как их разогнать? Да к тому же, видимо, была и договоренность с местными властями о том, чтобы не препятствовать этому. Поэтому подали даже автобусы. Вроде бы для экскурсии по Саратову, а на самом деле — для торговли в ближайших городах области.

— Ну что, Уктам, — теперь нам придется делиться. Не будем оба на одном месте торговать, здесь у меня нет

знакомых торгашей. Так что самим придется. Я, наверное, поеду на одном из этих автобусов, а ты оставайся здесь. Я и твой товар возьму и свой тебе оставлю немного. Так будет лучшее и быстрее.

— А куда поедешь? — обеспокоился Уктам. — Может, вместе?

— Уктам, пора тебе понемногу учиться самостоятельности. Не буду же я вечно опекать тебя! Люди без посторонней помощи сами начинают дело, а ты?!

— Ладно-ладно, — я понял! — не дал договорить Уктам. — Я просто спросил, куда собираешься поехать.

— Куда? Вон на одном из автобусов написано Энгельс. Туда и поеду. Это небольшой город за Волгой.

Так они и поступили. Так сделали многие, ехавшие вместе: с братом, с женой или с другом, как они с Касымом.

Вечером часам к пяти вернулся Касым. Начинало темнеть, торговли уже не было никакой.

Уктам, весь озябший от холода, держался из последних сил. Непроданного оставалось совсем немного, а ему не хотелось выслушивать упреки со стороны друга. Поэтому Уктам держался стойко. Несмотря на холод, пронизавший его всего. Ноги его совершенно окоченели, тело стало деревенеть. Только руки он согревал немного, засовывая в карман или за пазуху. Сколько бы он ни подпрыгивал на месте, согреться это не помогало.

— Ты что стоишь здесь, когда торговли уже никакой? Ты

что, дурак, или заболеть захотелось? —обрушился на него с упреками Касым.

— А что делать? Тебя нет, вот и стою. Тебя жду! —попытался оправдаться Уктам.

— Чего меня ждать-то? Раз торговли нет, —иди отдохни! Заболеешь, а мне потом за двоих надо будет вкалывать. Сво-
рачивайся скорей и пошли в вагон!

В купе все уже были в сборе. Братья —Азад и Ильхам, видимо, только что вернулись. Они тоже сильно замерзли от холода и теперь, не снимая верхнюю одежду, пытались как-то согреться. Братья встретили друзей возгласами радости. По всему было видно, что дела пошли у них на лад.

Мавлюда Саидовны с сыном тоже были в отличном настроении.

— Да вам надо срочно согреться! —философски сказал Касым, словно фокусник, вытаскивая откуда-то бутылку водки, чем вызвал еще большую радость.

Водку тут же разлили. Выпили залпом без закуски. Лишь Уктам, найдя на столике под салфеткой малюсенький кусочек лепешки, спешно бросил его в рот и стал жевать.

Через полчаса основательно придя в себе, стали готовиться к ужину. За ужином распили еще одну бутылку. Ильхам как всегда предлагал еще одну бутылку, но все были уставшие и продолжать «банкет» никто не хотел. Еще до отхода поезда все стали укладываться спать. Уктаму день показался настолько тяжелым, что он, не успев положить голову

на подушку, уснул мертвецким сном. И остальные, разумеется, тоже.

Еще только рассветало, когда Касым стал его будить.

— Вставай, соня, — скоро уже Казань будет! — тормошил он Уктама. — Иди, скорей умойся. Надо успеть позавтракать до остановки. Затем Касым стал будить и других.

— Что он за человек? — подумал о друге Уктама. — Откуда он столько сил и энергии берет? Откуда у него такие способности: предвидеть все, заранее спланировать, позже всех ложиться, раньше всех вставать? Да, далеко мне еще до него, — многому надо учиться у него, многому.

Остальные тоже встали, пошли умываться в разные концы вагона. После Саратова вторая туалетная кабина чудесным образом заработала по своему назначению, освободившись от багажа. Поезд, замедлив ход, подходил к платформе станции Казань. Все уже успели плотно позавтракать и были готовы ринуться в бой, словно римские гладиаторы на арену.

В Казани произошло то же самое, что в Саратове: не успев сойти с поезда, пассажиры оккупировали привокзальную площадь и прилегающие улицы и начали торговлю.

На этот раз Уктаму и Касыму не пришлось долго торговать самим. Встретил их молодой парень, татарин по национальности. Звали его Равиль, родом он был из Узбекистана — из города Сырдарья. Года три назад он переехал в небольшой городок Зеленодольск под Казанью. Встретил он Касыма радостными объятиями как старого друга. Они долгожима-

ли друг другу руки, обнимались, расспрашивали о семьях, о детях. Говорил он на чистейшем узбекском языке, только с ташкентским выговором. Равиль был среднего роста, светловолосый, с европейскими чертами лица. У него был прямой островатый нос, прямые тонковатые губы, брови чуть темнее волос. В общем, типично татарская внешность. После объятий, и приветствий Касым познакомил Равиля с Уктамом. Затем перешли к делу. Разузнав, что к чему перекупщик сказал:

– Касым, я на этот раз возьму даже больше, чем ты предлагаешь. Слава Аллаху, дела у меня пошли нормально! И с деньгами постараюсь решить до твоего возвращения, – не буду ждать следующей ходки как обычно. Кстати, вот возьми деньги за прошлую партию, —сказал Равиль, доставая немного долларовых банкнот, свернутых небольшой трубочкой. —Здесь все четыреста пятьдесят баксов.

– Спасибо, Равиль! —поблагодарил Касым.

– За что? Это я тебе должен сказать спасибо, Касым! Ну, ладно, не будем терять время, —займемся делом. Пойдемте к багажному вагону, возьмем, что привез.

Пока получали часть своего багажа, пока оформляли бумаги, прошло больше часу времени.

Погрузив полученный от Касыма и Уктама товар на багажник своей «шестерки», Равиль обратился к друзьям:

– Ребята, вот что, вы пока подождите час-полтора, я тем временем съезжу в одно место, а потом поедем вместе. Я

хочу вам маленький праздник устроить —баньку примем там же и пообедаем.

Касыма это обрадовало несравненно. Он буквально сразу почувствовал блаженный жар горячего пара, обволакивающего его с ног до головы. От радости он даже не мог ничего сказать, только обнял Равиля за плечи и улыбнулся. Уктам, еще не знавший всех прелестей и блаженства, как русской, так и татарской бани, только улыбнулся и кивнул головой.

Через час с небольшим вернулся Равиль.

– Ну что? Поехали? —крикнул он, увидев друзей издали. —Надо спешить —ехать далеко, надо успеть помыться в баньке, посидеть хорошенько после этого и вернуться обратно к отходу поезда.

– Куда мы едем? —поинтересовался Касым.

– Ко мне домой. Родителей я еще вчера предупредил. Отец у меня с утра баню затопил, —вас ждет. Соскучился, говорит, по Узбекистану, по узбекскому языку, хочу поговорить с ними по-узбекски. Я ему говорю: «Они из Хорезма, на твоём ташкентском не говорят». — А он мне: «Ничего, я и по-хорезмски могу. Язык-то один, оба наречия не сильно отличаются!».

Около двенадцати они въехали во двор Равиля. Отец его, еще совсем не старый мужчина, порядком поседевший, с маленькими лисьими глазами и острым носом, встретил их очень радушно. Увидев из окна подъехавшую машину сына, он вышел на крыльцо. Там и дожидался, пока гости выходи-

ли из автомобиля.

— Хош келебсиз! — приветствовал он на узбекском языке, дружественно пожимая им руки. — Пожалуйста в дом, гости дорогие! Заходите, выпейте по пиалушке чаю по узбекскому обычаю, а потом — в баню. Пока вы будете мыться, я приготовлю настоящий узбекский плов, а хозяйка наша будет потчевать вас татарскими блюдами, — радостно приговаривал пожилой мужчина, сопровождая гостей в дом.

Дом был построен из дерева, с небольшой верандой. В не очень большой общей комнате их встретила всё семейство Равиля: мать — молодая женщина примерно пятидесяти пяти лет, жена его очень приятной внешности и двое детей. Дочь вся в веснушках, годиков семи, и сыном четырех-пяти лет — маленькая копия Равиля. Мать и жена очень радушно поздоровались с гостями на чистейшем узбекском языке. Хотя у жены чуть-чуть был замечен татарский акцент. Дети, улыбаясь, стеснительно прижимались к подолу матери.

— Заходите, рассаживайтесь гости дорогие! Чаю попейте! — искренне щебетала мама Равиля.

Наспех выпив немного чаю, Равиль и гости направились в баню.

Уктам впервые мылся в русской бане, хотя не раз слышал от Касыма, да и от других тоже, о ее чудодейственных свойствах, о благодатном паре, излечивающем любые болезни и снимающем любую усталость. Раздевшись догола по примеру Равиля и Касыма, он впервые переступил порог парил-

ки. Жар в парилке был невероятный, но на удивление терпимый.

Прошло минут пять-шесть. Пот с него стекал, как говорится, в три ручья, у Касыма пот выступил только на висках и вокруг шеи, Равиль, кажется, совсем не вспотел.

— Ну что, Касым, может, поддать чуть пару, не возражаешь? — спросил Равиль, беря в руки ковшик.

— Не возражаю, — даже прошу! — ответил Касым, нарочно не обращая внимания на Уктама.

— А ты не возражаешь? — спросил у него хозяин.

— Да нет, не возражаю, — ответил Уктам, хотя и не понял толком, в чем надо возразить.

После этого Равиль, набрав воды из стоящего в углу большого чана, плеснул на небольшое квадратное отверстие над печью. В ту же секунду там внутри вдруг что-то зашумело, зашипело, забурило, и со всех сторон повалил пар. Уктам показалось, что это был не пар, а самое настоящее пламя. До этого у него было ощущение, что он находится в самой горячей печи. Теперь же он почувствовал, что оказался в настоящем аду. В легкие вместе с воздухом врывались огонь и пламя. Когда он пробовал дышать носом, ноздри его становились похожи на тлеющие угольки, кончики ушей горели, словно свечные фитиля.

— Может, еще малость? — услышал Уктам откуда-то издаля голос Равиля.

— Нет, нет! Хватит! — вскричал он, хватая Равиля за руку,

державшую ковшик. — Я больше не могу!

Громкий хохот Равиля и Касыма был слышен снаружи.

— Подожди еще минуту! — четыре сильные руки не отпускали Уктама, пытавшегося вырваться в предбанник.

— Терпи, казак, атаманом будешь! — посмеивались над ним оба приятеля, подмигивая друг другу. Наконец, Равиль смилостивился над ним. — Все, для первого раза хватит! Пошли на выход! — скомандовал он.

В один прыжок Уктам очутился возле дверей парилки, мигом выскочил в предбанник. Не зная, куда бросить свое пылающее тело, он в нерешительности остановился. Равиль привел его в угол рядом с дверью парилки и, сказав, что сейчас будет «здорово», дернул за какую-то веревочку. И тут вдруг на Уктама вылился целый поток холодной-прехолодной воды. Дыхание перехватило, сердцебиение на минуту остановилось, он стоял, весь окаменевший. Оба уговорщика смотрели на него и опять хохотали.

— Вы что делаете, звери?! — в сердцах крикнул Уктам, вызвав тем самым еще больший хохот.

Через несколько секунд тело его вдруг расслабло: появилась блаженная слабость и истома, дыхание выровнялось. Ему захотелось только одного — присесть, а лучше прилечь, где-нибудь. Яркая улыбка озарила сильно покрасневшее лицо.

— Ну, вот, это другое дело! — посмеиваясь, сказал Равиль. — А то: «звери, что делаете»! На, возьми, — и подал

Уктаму чистую белоснежную простыню.

Завернувшись в простыню, он упал на лавку, застеленную каким-то матрасиком.

Затем и остальные, облившись ледяной водой, уселись рядом с ним.

— Ну как, как тебе наша банька? — обратился к нему Равиль, видя блаженство на лице Уктама.

— Прелесть! Просто слов нет! — искренне ответил тот, еле выговаривая слова от наступившей неги.

— Подожди, на втором заходе я тебя еще и веничком попарю!

— А что, еще и второй заход будет? — восторженно воскликнул Уктам.

— Конечно! И третий будет! — вставил слово Касым.

При втором заходе Равиль сдержал слово и попарил Уктама веничком. Это был верх блаженства. Такого приятного ощущения, такой обволакивающей неги его тело не чувствовало никогда. Одурманивающий запах березовых листьев, аромат мокрой осины, идущий от досок, и своеобразный запах пара — все это настолько впечатлило Уктама, что он на всю жизнь полюбил русскую баню.

После бани их ждало обильное застолье. Стол в той комнате, где до этого пили чай, был заставлен всевозможной снедью. Татарский учбучмак и беляш соседствовал с русским пирогом и бужениной, русская квашеная капуста и соленый огурец — с татарскими соленьями, а еще было сало, нежно белое с тонким мясным слоем, поблескивающее кристалли-

ками соли по краям. И целая батарея разнокалиберных бутылок и баклажек с напитками.

— Мархамат, рассаживайтесь поудобнее, азиз мехмонлар! — пригласил их за стол отец Равиля, сам усаживаясь рядом с сыном. Не успели все рассестись, он поднял из-под стола большую бутылку, двухлитровую, наверное.

— Ну что, как говорят, после бани сам бог велел! Это моего собственного производства, я покупной не признаю. Отравится можно запросто, — в магазине только одна подделка. А это свой, надежный! — с гордостью похваливался отец Равиля, разливая самогон по стопочкам.

— Попробуйте, сами оцените! — стал подавать каждому на три четверти наполненный стаканчик.

— С легким паром, что ли! — протянул он руку, чтобы чокнуться со всеми.

Все выпили, Уктам тоже выпил. Самогон сперва показалось чуть крепче водки, ну еще чуть горло подрал, да еще запах своеобразный. Не прошло и минуты, как он понял, что ошибся. Сперва в желудке появилось тепло. Постепенно теплело все больше и больше, и вдруг эта теплынь волной пошла вверх — к голове. В мозгу у него все затуманилось, он понял, что захмелел от первой же стопочки.

— Что это со мной? — пронеслось у не него в голове.

— Ты кушай, закусывай, давай! — говорил ему отец Равиля. — А то опьянеть не долго, особенно после бани. Бери вон капусту, сало. Ты сало кушаешь? — спрашивал он, пододви-

гая Уктаму тарелочку с нарезанным салом.

Взяв руками горсть квашеной капусты, он быстро отправил ее в рот, не дожевал толком и взял сразу два ломтика сала. Теперь он понял, насколько проголодался! Дожевывая сало, он взял беляш и в три укуса покончил с ним. А кушать все хотелось.

— Берите, кушайте! — настаивал хозяин, — Проголодались, наверное, после бани?! А еще плов будет! — Я знаю, с пловом водка не идет. Поэтому плов оставил напоследок.

Другие тоже не отставали от Уктама. Касым с удовольствием ел татарский учбучмак, запивая каким-то напитком, Равиль закусывал соленьями и бужениной.

Налили и выпили по второй, обильно закусили. Волна хмеля, ударившая в голову, немного отошла. Теперь организм наслаждался теплым убаюкиванием спиртного и вкусом различных яств, тело и душа отдыхали.

Мама Равиля все еще возилась на кухне. Отец звал ее, она отнекивалась, ссылаясь на занятность. Наконец она вышла, неся к столу супницу:

— Вот приготовила лапшу — нашу татарскую, с курятиной! — торжественно объявила женщина, водружая супницу в центр стола. — Сейчас принесу тарелки и тоже сяду.

— Кстати, а где твоя жена и дети? — Касым только теперь обратил внимание на их отсутствие.

— Я их погулять отправил, — ответил вместо него отец. — Нечего детям присутствовать и видеть, как взрослые пьют

водку. У вас — у узбеков, правильно делают, что никогда не пускают детей за стол к пьющим гостям. Нечего их с малолетства приучать к этому. А здесь не так — не смотрят, ребенок ли сидит, женщина ли, — пьют, ругаются и дерутся даже. Есть такие уроды, что родного ребенка своего сызмальства курить и пить приучают! — негодовал он.

Последним подали плов. Было уже начало четвертого. Хотя плов и получился отменный, но есть уже никто не хотел. После всей той вкуснятины, что была на столе, для плова места простоне осталось. Для приличия, чтобы не обидеть хозяина, съели по две-три ложки, предварительно выпив еще по пол стаканчика самогона. Сабит-аби, отец Равиля все равно начал обижаться:

— Ну, что вы, ребята, плов вам не понравился? Почему не едите? — сетовал он.

— Нет-нет плов отличный, Сабит-ака! Только куда же столько кушать? Не обижайтесь! Здесь столько всего вкусно-го было, больше некуда! — успокоил его Касым.

— Тогда вот что мы сделаем: плов вы на дорогу возьмете! Хозяйка, весь плов положи в кастрюлю! Им еще долго ехать, — там съедят! — распорядился он.

— Пап, ты у нас дед умный! — похвалил отца за догадливость Равиль.

Мать Равиля стала убирать со стола. Мужчины пили чай, лениво ругали политиков: Горбачева — за развал Союза, других, и в особенности Ельцина, за то, что довели Россию

до нынешнего состояния.

Со двора послышались шум въезжавшей машины, затем один за другим два длинных автомобильных гудка.

— Это Ильяс подъехал, — встал с места Равиль. — Я попросил его отвезти нас на вокзал.

Подойдя к окну, он постучал по стеклу, приглашая водителя в дом. Ответа не было слышно, но Равиль сказал, что тот не хочет заходить, — курит сигарету.

— Нам, наверное, пора! — догадался Касым. — Почитайте нам фатиху Собит-ака! — попросил он деда.

— А на посошок разве не будем пить? — взялся за бутыл тот.

— Нет-нет! — запротестовали все. — Хватит, спасибо, больше не лезет!

— Не буду настаивать, — примирился Собит-ака. — Ну, что ж, — раз вам пора, ок йул вам, ребята, чтобы дела у вас ладились всегда, удачи вам во всем! Затем, подняв руку молитвенным жестом, произнес слова на арабском языке.

Стали прощаться. Все вышли во двор — проводить гостей. Мама передала Равилю небольшую сумку с провизией.

— Не забывайте нас! Приезжайте еще! Приветы передавайте от нас вашим близким, и вообще всему Узбекистану! Все-таки это наша вторая родина! — даже немного прослезившись, с теплотой, обнимая друзей, попрощался Сабит-аби.

— Вы тоже приезжайте к нам Сабит-ака! Всегда рады будем встретить вас и всю Вашу семью! — взаимно благодарить

ли и приглашали друзья.

До Казани доехали быстро — часу, наверное, не прошло. Еще минут двадцать добирались до вокзала. Пока ехали, Ильяс с удивлением смотрел на Равиля, когда он разговаривал по-узбекски с друзьями.

— Не знал, что ты так лихо балакаешь по-узбекски! — заметил он.

— Странный ты! Это же моя родина! Я там родился, вырос. Там не только мы — татары, наши языки похожи очень, там много русских, корейцев, свободно говорящих по-узбекски, — ответил он с гордостью.

— Надо же! — опять удивился Ильяс, вырубивая свою «копейку» на стоянку. — Я здесь подожду! — сказал он Равилю, на прощание пожимая руки ребятам.

Всю радость этого чудесного дня омрачила трагедия, произошедшая чуть позже на вокзале — прямо на глазах.

Было уже начало шестого, когда друзья, попрощавшись с Ильясом, пересекли привокзальную площадь и, пройдя через здание вокзала, ступили на перрон. Равиль провожал их до вагона.

Поезд стоял на третьем или четвертом пути. Народу на перроне было не так уж много. Большинство, устав от дневной торговли, последующей беготни по магазинам и от пронизывающего холода, попрятались по вагонам. Несколько человек, — в основном, мужчины, прогуливались по перрону, выкуривая сигареты. Возле некоторых ваго-

нов пассажиры стояли небольшими компаниями и болтали о чем-то.

Дойдя до своего вагона, друзья стали прощаться с Равилем. Прощаясь, тот передал сумку с пловом в кастрюле и с другой снедью, положенной его матерью. Касым вручил сумку Уктамус просьбой отнести в купе.

— Здесь столько плова, как я освобожу кастрюлю?! — озадаченно спросил он. — Не надо освобождать. На обратном пути отдадите. Я же выйду встречать вас, чтобы деньги за товар отдать. Тогда и вернете.

Уктам уже собрался войти в вагон, когда раздался истошный, душераздирающий крик.

Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что произошло. В одно мгновение все, кто стоял на перроне или находился в здании вокзала, увидели это и одновременно с ужасом вскрикнули.

В конце поезда, над одним из багажных вагонов на электропроводе, натянутом выше вагона висел человек. Вернее, горел. Вся голова его была в огне, из глаз и ушей, изо рта, вырывался поток ярких бесконечных искр вперемешку с пламенем. Под действием протекающего электротока его сперва подняло вертикально, потом повернуло на 180 градусов, опустило в горизонтальное положение и через мгновение бросило на крышу вагона, загоревшегося и дымящегося.

Картина была страшная. Это в фильмах, когда герои убивают друг друга, когда кровь льется рекой и кругом смерть,

не особенно переживаешь, зная, что все это понарошку. А когда вот так за несколько секунд, прямо на твоих глазах такой ужасной смертью погибает человек, трагичнее, страшнее ничего нет.

Многие побежали туда, хотя ничем помочь было уже нельзя. Когда свидетели подошли к месту трагедии, туда уже сбежались работники вокзала, поездная бригада, милиция.

Тело осторожно сняли с крыши вагона и положили на платформу. Это оказался молодой парень лет 17—18, не больше. В это время, прорываясь сквозь толпу, прибежал его старший брат.

Крича и плача навзрыд, он бросился к телу и, обняв его, с диким стоном стал рвать на себе волосы и причитать, что это он во всём виноват. Это он уговорил их мать взять с собой младшего брата.

Знакомые и незнакомые люди, подойдя к нему, старались как-то успокоить его. Не слыша никого, он все больше заливался горькими слезами, убиваясь, бил себя кулаками в грудь и по голове.

От ужаса увиденного силы покинули Уктама. Он мгновенно протрезвел. Внутри клокотала жалость вперемешку со стойкой тошнотой. Он уже сам собирался отойти в сторону, как Касым дернул его за рукав:

— Пошли отсюда, мы ничем не можем помочь ему, — сказал он тихо.

По всему было видно, что с ним происходит то же самое.

Они молча поплелись назад. Равиль был весь бледный. Возле вагона они распрощались.

— Жалко. Очень жалко парня, — тихо промолвил Равиль.

— Не говори! — тоже тихо сказал Касым, пожимая ему руку. — Ты иди, — друг твой заждался, наверное. Ну, ладно! Позвонишь потом! — сказал Равиль, покидая платформу.

Когда друзья вошли в вагон, в купе сидела Мавлюда Саидовна с сыном. Услышав крики и узнав их причину, она не пошла на перрон и сына не пустила. Теперь опечаленная и грустная молча сидела на своем месте. Давлат тоже молчал.

Когда ребята уселись напротив, она решилась задать вопрос:

— Не знаете, кто это был, откуда?

— Нет, не знаем. С братом старшим ехал, видимо, — ответил Уктам и только теперь, вспомнив о сумке с кастрюлей в руках, поставил её на купейный столик.

Примерно через час вернулись братья Азад и Ильхом. Они уже узнали о трагедии. Такие новости быстро разлетаются вокруг, неудивительно, если уже вся Казань знает об этом.

— Нам в маршрутке рассказали, — в подтверждение печальных мыслей сказал Ильхом.

— Да, это ужасно! — тихо проговорила Мавлюда-опа.

А ещё через час по вагонам объявили, если кто готов помочь отправить тело мальчика на родину, могут сдать деньги.

Кажется, весь поезд, все пассажиры отозвались на это. Кто чем мог, отдали денег в эту кассу помощи. Ещё долгие дни преследовал Уктама этот отвратительный запах, запах горелого мяса. А ещё дольше это странное зрелище, невольным свидетелем которого он был. Смерть этого паренька от удара током, как он заживо горел, как его перекинуло, как он упал, обугленный, на крышу вагона. По происшествию стольких лет он все это отчетливо помнит.

С большим опозданием поезд поехал дальше.

В одиннадцатом часу следующего —восьмого, дня их пути они прибыли в конечный пункт назначения —на платформу города Нижний Новгород.

Вокзал Нижнего Новгорода не был самым большим и красивым из тех, где они ранее останавливались. Зато привокзальная площадь была прекрасна. Но, несмотря на это, приезжие опять занялись тем, чем занимались на других площадях, то есть торговлей. Немногие остались на этом, наспех организованном, восточном базаре. Многие предпочли поехать на автобусах, специально поданных для торговли, по райцентрам.

У Касыма не было здесь никаких связей, поэтому нужно было все продавать самим. Товара у них оставалось не много —всего три сумки. Они пошли за ними к багажному вагону.

Там уже собралась очередь из десяти человек.

Проводники, ведающие багажным вагоном, были заняты

выдачей багажа одному человеку.

Коренастый, плотный мужчина лет под тридцать пять с очень темной кожей лица, с угольно черными глазами, держа в руках какие-то бумаги, командовал грузчиками, которые разгружали вагон и грузили какие-то большие, но не очень тяжелые тюки на борт десятитонного «КАМА-За».

Рядом с ним стоял русский мужчина, примерно того же возраста, но совершенная его противоположность. Худощавый, со светлой кожей и с голубыми глазами. Они вместе считали погруженные в автомобиль тюки.

Как потом узнали друзья, темнокожий был узбек — снабженец или экспедитор областной типографии, а русский — представитель огромного комбината из города Волохна, расположенного в сорока километрах от Нижнего. По бартерному договору между областной типографией и бумажным комбинатом он привез 2000 ватных фуфаек, а взамен купил 12 тонн газетной бумаги.

Погрузив полную машину фуфаек, они уехали вместе на микроавтобусе, поджидавшем их поодаль. Грузчики, как оказалось, были тоже из комбината и тоже уехали вместе с ними на микроавтобусе.

Дождавшись очереди, друзья забрали свой багаж, но не весь. Одна последняя сумка оставалась у них на завтра. — Поедем на автозаводской рынок, — сказал Касым. — Там базар большой, людей много. Пошли вон к тому автобусу.

Они сели в маршрутный автобус. Ехали долго, не пропуская ни одной остановки. Прошло, наверное, больше часа, когда они, наконец, прибыли на место.

Рынок действительно оказался очень большим. На двух или трех гектарах площади были устроены прилавки. Но людей было мало. Как продавцов, так и покупателей.

— Не понял, куда это мы пришли? Здесь народу совсем нет, — удивился Уктам.

— Не бойся, парень! — ухмыльнулся Касым. Но потом уже серьезно добавил: — Здесь торговля начинается во время обеда. В основном — к четырем часам, когда работяги выйдут со смены.

— Теперь понятно! — мотнул головой Уктам.

— Ну, если понятно, пойдем — займем места получше. А потом я схожу, принесу чего-нибудь, — перекусим.

Как и предсказал Касым, к обеду они поторговали немного, а после четырех часов народ на рынок пошел валом. За какие-то час-полтора они продали почти весь свой товар.

На другой день они там же распродали свой оставшийся товар. А на вырученные деньги стали закупать запчасти для продажи на родине.

Касым в этом деле был не силен, Уктам тем более ничего не понимал. Поэтому они по примеру земляков или других пассажиров с их поезда, стали покупать то же самое, что и они. Небольшими партиями по десять-пятнадцать штук. Иногда просили совета, с ними охотно делились.

Закупив почти на всю выручку запчастей от автомобиля ГАЗ и даже от ВАЗа, они вернулись к поезду.

Той же ночью им предстояло отправиться в обратный путь.

Обратно должны были ехать по тому же маршруту, только без дневных и суточных остановок. Но с частыми вынужденными стоянками на разъездах. Поезд шел внеграфика, и поэтому они вынуждены были пропускать все встречные, идущие по расписанию.

Все партнеры Касыма сдержали свое слово: на обратном пути отдали деньги, вырученные за товар.

Равиль привез деньги и небольшой пакет с домашней провизией, с парой бутылок самогона.

На четырнадцатые сутки утром они прибыли обратно в первоначальный пункт их путешествия.

Глава 2.2

– Туристический поезд Ургенч – Нижний Новгород прибыл на станцию Ургенч, —прозвучал женский голос из репродукторов.

Когда поезд, скрипя тормозными колодками, остановился на перроне вокзала, туристы-пассажиры уже стояли в тамбуре и в проходах. Всем не терпелось поскорее покинуть до чертиков надоевший вагон, в котором они провели две недели.

На обратном пути багажа, как такового, у всех было гораздо меньше, чем когда ехали в Россию. После распродажи товара, привезенного из Узбекистана, почти все закупили то, что было в дефиците здесь. Очень многие постарались приобрести спирт марки «Роял», поставляемый в Россию из Голландии. Он считался самой выгодной продукцией для продажи в Узбекистане. В России спирт стоил очень дешево, а в Узбекистане алкоголь в это время ещё был в дефиците, и купить его можно было только за высокую цену. Из привозимого спирта ушлые «бизнесмены» делали поддельную водку и продавали подпольно. Из одной литровой бутылки спирта получалось по два с половиной литра водки.

В итоге получался отвратительный напиток с каким-то неприятным запахом и меньшего градуса. Но мерзавцев, которые занимались его производством, качество продукта

не волновало.

В дороге они бережно обращались со своим грузом. При упаковке каждую бутылку заворачивали в толстую или гофрированную бумагу. В одну сумку клали не больше 35—40 бутылок, чтобы случайно не уронить или лямку не порвать. Одним словом, обращались с такой ношей нежно и любовно. Ведь впоследствии каждая бутылка спирта приносила не меньше 3,5—4 долларов чистой прибыли.

Тем не менее, на обратном пути весь поезд пропах этим спиртом. Ведь в каждом вагоне находились несколько компаний, желающих отметить удачную поездку.

Не покупать же водку втридорога в ресторане поезда, когда под рукой имеется чистый спирт. Тем более что в ресторане вполне могли продавать алкоголь, сделанный из такого же спирта. Вот сами и распивали, разбавляя водой, а иногда и не разбавляли, чтобы показать свою удаль.

В пути бутылки все-таки разбивались, несмотря на трепетное отношение к ним. Намоченная спиртом брезентовая, а тем более клеенчатая, тара, в которой их везли, надолго сохраняла запах спирта. Все вагоны в поезде были плацкартные. Это позволяло вместить большее количество туристов-торгашей. И поэтому запах разлитого спирта моментально распространялся по всему вагону. Так что всю обратную дорогу пассажиры ехали, вдыхая тошнотворный запах спирта «Роял».

Вплоть до остановки поезда друзья вместе со своими по-

путчиками оставались на своих местах.

Уктам и Касым не спешили к выходу из вагона из-за тяжести своего багажа. Купленные ими запчасти, были отнюдь не легче баулов со спиртным. Братья Азат и Ильхом закупили, как и многие другие, спирт. Мавлюда Саидовна не торопилась к выходу из-за деликатности:

– Зачем сейчас толкаться когда можно не спеша выйти последним? —рассудительно говорила женщина.

Только её сын Давлат показывал свое нетерпение. Он то вставал с места и выглядывал в проход, то наклонялся над сидящей на полке матерью, пытаясь выглянуть в окно вагона.

– Ну, что, Мавлюда Саидовна, будем прощаться! Извините, если что не так было! —сказал Касым, вставая с места.

– Что Вы, Касымджон?! Все было хорошо! Таких попутчиков, как вы, у меня никогда не было. Спасибо вам за все! —ответила довольная женщина.

– За что спасибо-то? Вроде бы, мы ничего такого не сделали!

– Все равно спасибо и тебе Касымджон, и тебе Уктам! — снова поблагодарила она.

– Будете у нас в Учкуприке, заходите в гости! И вы Азат и Ильхом! —попрощались друзья с братьями.

– Обязательно будем! —заверил Азат —Вы тоже приезжайте к нам. Я вот Уктаму ещё вчера дал свой адрес и ваш записал. Надеюсь, мы подружмся!

– Иншолло! —сказал Касым на прощание.

На привокзальной площади стоял шум и гам. Она вся была заполнена людьми. Автостоянка рядом была забита автомобилями.

– Ханки! Ханки! Кому в Ханки?!

– Рават! Рават! Есть одно место в Рават! —перебивая друга друга, кричали таксисты.

– Маршрутка! Маршрутка дешево! Очень дешево! —перекрикивали их другие.

– Учкуприк! Учкуприк! —закричал, заметив Касыма и Уктама, знакомый таксист —их земляк.

Касым поднял руку и направился к нему. За ним последовал Уктам, с трудом несущий сумку с запчастями, и вторую, забитую личными вещами, пустыми сумками и гостинцами для родных. Пока дошли до такси, Уктам два или три раза останавливался, перекладывая сумки из одной руки в другую.

Таксистом оказался Эльяр —младший брат их одноклассника Сафара. Это был парень лет двадцати пяти, как и старший брат, склонный к полноте, но ещё не с таким большим животом как у старшего —Сафара, толстощекий и губастый.

Автомобиль его —«Москвич», стоял на автостоянке. До него ещё нужно было пройти метров сто с лишним.

– Машина у меня там стоит, —указал Эльяр в сторону автостоянки. —Вы идите туда, а я пойду —возьму ещё одного клиента. Будет полный комплект.

– А что, один у тебя уже есть? —спросил Касым

– Да! Женщина —она в машине сидит.

– Поехали тогда! Зачем машину перегружать? —предложил Касым, намекая на полноту водителя.

– Поедем, если вы за троих заплатите! — не остался в долгу толстяк.

– Ладно, поехали, —заплатим! —согласился Касым. — Только вот помоги донести вещи. Возьми эти сумки —они легкие! А тяжелые мы сами понесем.

Толстяк с большой неохотой взял у них по одной сумке и пошел впереди.

На переднем сиденье машины сидела женщина лет сорока, одетая не очень опрятно. Она была повязана большим красным цветастым платком с бахромой, на которых некогда залетел Адхам-«Модник». Сзади очертания её лица не были видны полностью. Когда она поворачивалась в сторону водителя, показался её крючковатый нос, впалые щеки и тонкие некрасивые губы.

Полдороги женщина сидела, не говоря ни слова. Но когда водитель Эльёр спросил её для приличия или из простого любопытства:

– Апа, как поездка? Как бизнес? Надеюсь, удачно съездили!?

Она словно этого и ждала, из неё понесся поток словоизлияний и проклятий всему на свете:

– Будь проклята эта поездка, будь проклят этот поезд! Зачем я только послушалась эту дуру Гульжана. Это она ме-

ня уговорила поехать вместе с ней. В жизни больше никуда не поеду! Все, хватит с меня! Пусть этот балбес проклятый, как может, так и кормит нас с детьми.

— Кто этот проклятый балбес? — поинтересовался Эльер, но сразу же понял, что она имела в виду мужа.

— Кто-кто? Муж мой — лодырь и бездельник, чтоб он в аду горел!

— Апа, разве можно про мужа своего говорить? Он же ваша половина, он же...

Не дав Эльеру договорить и не замечая в его словах иронии и сарказма, женщина опять вылила на голову мужа целый ушат проклятий и ругательств.

— Был бы он нормальным мужиком, — не отпустил бы меня одну в эту поездку. Третий год сидит без дела и пальцем не пошевелит, чтоб найти работу. Слова не дает сказать. Когда ему говоришь, что другие ходят на работу или в Россию уезжают, чтоб подработать, глаза у него кровью наливаются. Он прямо бешеным становится. Ездил я, говорит, уже один раз в Россию, чуть не умер, говорит, от голода, запросто меня могли там же похоронить. Только болезни заработал там, говорит. Сволочь этакая. Что не скажешь, у него отговорка есть — я больной, я скоро умру, а сам — бугай бугаем. Водку пить он не больной, с такими же, как он сам целыми днями сидит на мардикор-базаре. Для всех там работа находится, а для него и ещё двоих-троих как он, работы никогда нет. А если и найдут, так только чтоб на водку заработать.

— Да, не повезло вам с мужем на самом деле, — пожалев её, вставил слово Уктам.

— Не повезло — не то слово, сынок, — начала она снова, — он жизнь мою погубил. Будь проклят тот день, когда моя мама дала согласие выдать меня замуж за этого уроды! Будь проклята его мать, которая полгода ходила к моей маме, прося моей руки! Будь проклята такая жизнь! Только из-за детей мне приходится терпеть все это. Не будь детей, не знаю, что бы я делала. Наверное, убила бы! Покончила бы с собой! — искренне вырвалось у женщины.

— А что подруга Ваша — Гульжан, кажется, она что? — попытался задать вопрос Касым

Услышав это имя, она чуть не взбесилась, её некрасивое лицо совсем исказилось, рот искривился, глаза недобро заблестели.

— Какая она мне подруга! Тварь несчастная! — вскричала она, не дав договорить Касыму. — С самого начала она меня подставила. Билеты купила мне в другой вагон, с этими уродами в одно купе. Всю дорогу промучилась я. Туда ехали, — они пили, назад ехали — вообще не просыхали. Они алкаши, хуже моего балбеса. С утра начинают, и проводников спаивают, и никто им слово не может сказать. Просила я этих уродов — проводников, чтобы хоть место мне поменяли. Так нет! Не смогли или не захотели. Так и ехала. Мало мне дома одного алкаша, так здесь их целая свора собралась.

А эта тварь преспокойненько ехала в другом вагоне. —

Ну что я поделаю, что поделаю, если так вышло?! Откуда я знала, кто в купе попадется? — оправдывалась, торговка.

А когда я предложила поменяться местами, —так нет, ни-за что не согласилась. Дрянь такая! И так она мне всю кровь испортила. Она это специально делала. Пока я с трудом выбиралась из вагона, одна —без посторонней помощи, со всем своим шмотьём, она нашла себе молодого хахала и вдвоем они быстренько куда-то исчезли. А потом, распродав весь товар, возвратились, как ни в чем не бывало. А ещё нагло, глядя в глаза, обманывает: —Я тебя везде искала, думала, что ты тоже куда-то уехала продавать товар.

Что не знает разве, куда я могу уехать, где, что я знаю? Вот не сволочь ли она после этого? Не подлюга ли последняя?

— Да, подруги так не поступают! —с иронией или на самом деле жалея, сказал Касым.

— Да какая она мне подруга?! Просто знакомая со школы ещё, она года на два или три позже нас училась.

— Но навар-то хоть есть, хоть немного, или были одни мучения? —с интересом спросил Эльёр

— Есть, чего уж таиться. Но стоят ли эти 200 долларов всех этих мучений.

— Опа, кажется, Вы ещё и спирту накопили, —с усмешкой заметил Эльёр.

— А что спирту? Все купили, и я купила. Другие вот по 100 и больше набрали, а я всего-то 30 бутылок купила, и то боюсь, как бы мой урод сейчас дома не оказался. Увидит

спирт, считай, как минимум пять бутылок заберет. Не даст мне все распродать. Алкаш этакий! —Сынок, ты меня до дома подбрось, пожалуйста! Это направо, не доезжая города, кишлак Баят. Знаешь, наверное.

— Знаю, только мы так не договаривались. Это туда и обратно лишних 7—8 километров будет. Как будет с доплатой? —промолвил водитель, на лице которого не было никаких эмоций.

— Ну, сынок, чего уж тебе стоит? —стала упрашивать женщина чуть ли не с мольбой в голосе.

— Ну, опа, как же так? Я же таксист, —мне за километры платят. У меня ведь тоже расходы: на бензин, на запчасти, на...

— Хватит! Не ной, я доплачу! —прервал его Касым.

Оба сразу обернулись. Эльёр не сказав ни слова, опять стал смотреть на дорогу. Женщина начала искренне благодарить:

— Спасибо, сынок! Я бы и сама заплатила.

— Не стоит! Только какой я тебе сынок, если ты старше меня всего на четыре года?! Ты же, Тажигуль, с моей сестрой в параллельном классе училась.

— А сестра у тебя кто? —живо встрепенулась она

— Айгуль, она в классе «А» училась.

— Ой, Айгулька что ли?! Знаю я её! Как она? Жива ли, здорова ли, как она поживает? Давно я её не видела. Где она? —вылился на Касыма поток вопросов. —Я слышала —она

вышла замуж в другом районе.

— Да, она в другом районе живет. У неё все нормально. Работает учительницей. Детей воспитывает.

— А сколько у неё детей? — живо поинтересовалась Тажигуль.

— Трое: сын и две дочки, — ответил Касым.

— Увидишь, — передай ей от меня привет! А тебя я что-то не помню.

Автомобиль уже подъезжал к Баяту.

Кишлак был обычный — не очень большой и не очень маленький. В основном он был застроен глинобитными домами с плоской крышей, кирпичным фундаментом и с четырьмя окнами размером 120 на 150 см по обе стороны далана. Некоторые были оштукатурены и побелены известкой. Были и кирпичные дома с шиферной крышей. В них жили более зажиточные сельчане.

Дом Тажигуль выглядел неказистее всех остальных. Оконные рамы были некогда покрашены в синий цвет. Со временем под воздействием солнца и холодных ветров краска почти наполовину отслоилась, а оставшаяся почернела, и теперь деревянные рамы были покрыты бурыми пятнами. Стекла помутнели и потрескались. Ворота далана выглядели совсем уж печально. Никогда не крашенные, они покрылись пылью и грязью, на полметра по обе стороны ручек и замочной скважины поблескивали черным многолетним жиром. Забор и калиточные ворота для прохода в заднюю часть

дома и в сад были сделаны небрежно, из разных по длине и в диаметре отходов из искривленных древесных суков. Фасад дома некогда был выбелен известью. Штукатурка на нем во многих местах отслоилась и осыпалась, а оставшаяся покрылась серой пылью. Поэтому теперь весь фасад выглядел как маскировочный халат диверсантов.

Разгрузив свой багаж, Тажигуль для приличия пригласила всех зайти попить чаю. На её счастье мужа дома не оказалось, дети, скорее всего, были в школе, поэтому встречать её никто не вышел.

– Нет, спасибо, в другой раз! —отказались попутчики, оставляя несчастную женщину возле её дома.

Затем поехали к дому Касыма. Он ещё разгружался, когда из дома вышла тетушка Наржан, а за ней и его жена —Насипа. Обе радостно бросились обнимать прибывших.

– Уктамжан, сынок, как я рада, что вы вернулись живыми и здоровыми! Здравствуй, сынок! —обняла их тетушка Наржан.

– Здравствуйте, Наржан-опа! Здравствуй, Насипа! —приветствовал Уктам родных Касыма.

Насипа тепло поздоровалась с ним за руку:

– Здравствуйте Уктам-ака! Как мы рады, Уктам-ака! Уктам-ака, как будет рада Джамиля! Заждалась она Вас, Уктам-ака! —улыбаясь от радости, приветствовала их Насипа.

– А ты разве меня не заждалась? – подколот её Касым.

— Нет, я, конечно, тоже заждалась! Но мне привычнее, а Джамиля впервые! — заметно краснея, ответила Насипа.

— Так уж и привычнее?! Ну, ладно! — подшучивал над женой Касым. — Ладно, Уктам. Как и договаривались, — два дня отдыхаем. Сегодня, завтра ни шагу из дома. Отдохни, насладись окружением семьи, жены, детей, а послезавтра я зайду к тебе, — сказал Касым, расплатившись с таксистом.

Уктам ещё на подъезде к дому увидел жену. Она ещё с полчаса назад, узнав о возвращении туристического поезда, попросила бездельничающего физрука присмотреть за классом, а сама прибежала домой, чтобы встретить мужа. Застав дома только свекровь, Джамиля несколько раз с нетерпением подходила к окну, выглядывала на улицу, — не едет ли Уктам.

Поэтому она еще издали увидела такси, стоящее возле дома Касыма, и сердце её от радости стало биться быстрее. Теперь она стояла и ждала, когда тронется такси. Мужа своего она увидела, когда он, попрощавшись с Касымом, снова сажился в машину. Сердце её теперь застучало с ещё большей радостью.

Такси ещё только остановилось, а Джамиля, радостно улыбаясь, уже бросилась навстречу мужу. Только теперь он понял, как он соскучился по ней. Выскочив из машины, он раскрыл объятия кинувшейся ему на шею жене. Долго не отпускал её, целуя её губы, щеки, нос, лоб. Сильнее прижимал к груди и даже приподнимал её в своих объятиях. Она так же

страстно отвечала ему. Наконец таксист Эльёр не выдержал:

– Уктам-ака, Вы ещё успеете нацеловаться с женой. А мне ехать надо! —сказал он, приводя супругов в смущение.

Совершенно забыв о его существовании, Уктам слегка вздрогнул и, отпуская жену из своих объятий, с досадой проговорил:

– Хоп, Джура! Что так торопиться?

– Вы вот отработали своё. Домой приехали. Отдыхать теперь будете. А мне же работать надо, Уктам-ака.

– Ладно, вопросов нет! —выгружая свои сумки, ответил он.

– Вот, оказывается, почему ты без конца то заходила, то выходила. Ты что, знала, что он приезжает? —с упреком встретила сына и сноху Фатима-опа. —Здравствуй, сынок! Дай, я обниму тебя! —и стала целовать сына в щеки.

– Что это с ней, думаю? То выходит, то заходит, то опять выходит и из школы так рано пришла! – все ещё упрекала свекровь Джамилю.

– Мама, я понапрасну волновать Вас не хотела. Полчаса назад в школе услышала, что приехали все, уехавшие на том поезде. Вот и прибежала.

– Волновать меня, значит, не хотела? Поэтому и не сказала. Могла бы и сказать! —всё ещё обижалась Фатима на сноху.

– Ну, извините меня! —просила прощения Джамиля.

Посидев ещё немного, она стала собираться:

– Пойду в школу! У меня ещё один урок остался. Через час вернусь с детьми и младшего из садика заберу. Соскучились они по папе! — сказала жена, спешно покидая их.

– Любит она тебя, сынок. Ой, как любит! Все эти дни сама мучилась и меня измучила, волнуясь за тебя. Все спрашивала: Как он там? Что делает? Что кушает? Здоров ли, не заболел ли? На днях я даже поругала её: Зачем так легко отпустила мужа, если знала, что так будешь за него волноваться! Сказала ещё: Перестань мучиться и меня мучить перестань! Что, думаешь, мне легко? Думать, что мой сын скитается неизвестно где. Разве я не переживаю за него? Полдня она не разговаривала со мной после этого. Очень она тебя любит.

– Знаю, мама, и я тоже её люблю! — краснея, ответил Уктам. — И тебя я люблю, мама!

– Знаю, что любишь. Поэтому береги свою любовь! Пойду — приготовлю обед. Соскучился, наверное, по домашней еде? — сказала, вставая, Фатима.

– Конечно, соскучился, мама! Плова домашнего хочу.

Я и сама думала, что плова больше всего тебе хочется. Пойду — приготовлю пока заправку, а рис, Джамиля сама положит, когда вернется. Это у неё лучше получается, чем у меня.

Когда мама ушла на кухню, Уктам стал распаковывать багаж. Точнее одну сумку маленькую, где были подарки, купленные ещё в Нижнем Новгороде.

В день отъезда в обратный путь они с Касымом прошлись по магазинам города, чтобы купить гостинцы для родни. Маме он вначале купил носки шерстяные, но позже, увидев в одном из магазинчиков кожаную безрукавку, обитую белым мехом, не удержался — купил и ее. Жене купил джемпер очень красивый, молочно-серый с белым рисунком. Каждому из детей купил что-то по надобности и по вкусу.

Касым, видя, как он тратится, покачал головой и заметил: — Дорогой, если ты каждый раз будешь покупать подарки, никакого бизнеса у тебя не получится. Только на подарки и будешь работать.

— Ну, я же в первый раз! Надо же что-то привезти родным! — стал оправдываться Уктам.

— Поэтому я тебя и останавливаю. Это в первый и последний раз. Хочешь купить родным что-то, — делай это дома. У нас всё это намного дешевле. Может, качество чуть хуже — китайское все-таки, но зато дешевле в два раза. А детские вещи все равно больше года не носят, хорошие они или плохие, — это был ещё один урок, преподанный Касымом.

Взяв безрукавку и носки, он пошел на кухню. Мама тем временем уже начала чистить и нарезать соломкой морковь.

— Мам, это тебе, — положил он завернутые в пакет гостинцы.

— Что это? — удивленно подняла брови мать.

— Подарки. Открывай, — увидишь.

Она не спеша положила нож, недорезанную морковь и также неспешно раскрыв пакет, вытащила подарки.

Лицо её на миг радостно озарилось и сразу посерьезнело.

— Да, хорошие подарки, спасибо! Только незачем было, — у меня всего достаточно. Если каждый раз ты будешь вот так тратиться на подарки, какой же из тебя торгаш будет? Только на подарки и будешь работать! —точь в точь повторила она слова Касыма.

— Мама, ты не рада гостинцам? —покоробленный словами матери спросил Уктам.

— Нет, почему —рада! Просто ты теперь должен каждую копейку беречь и тратить с умом.

— Спасибо за добрые советы, мама! Постараюсь следовать твоим словам! —бросил он, покидая кухню.

Ровно через час, как и обещала, вернулась Джамиля с детьми. Первым как всегда пулей влетел Каримчик. Он услышал от матери новость о приезде папы и всю дорогу бежал впереди, торопя всех. А когда приблизились к дому, не дожидаясь остальных, побежал бегом в комнату. С ходу, даже не сняв ботинки, с криками: «Папочка! Папочка!» он кинулся к Уктаму. Крепко обняв его за шею, стал целовать в лицо, лоб, уши. Уктам тоже целовал сына в щечки, в лобик.

— Как я соскучился по тебе, папа! —чуть не плача повторял Карим.

— Я тоже скучал по тебе, сынок, очень скучал по всем вам! —поглаживая сына по голове, говорил Уктам.

Отец ещё держал Карима на руках, когда в дом гурьбой вбежали дочери и Джамиля. Дочки тоже кинулись к нему. Отпустив Карима, он одновременно взял на руки обеих дочек, крепко обнял, целуя то одну, то другую.

Джамиля со счастливым лицом и радостной улыбкой наблюдала за ними.

— Хватит, дети, хватит! — прервала их объятия Джамиля. — Папа только с дороги. Ему отдохнуть надо, а вы повисли у него на шее. Идите, переодевайтесь, — папа никуда не убежит. Карим, ты дома ботинки не снял! Живо иди, снимай и тоже переоденься! — командовала она, широко улыбаясь.

Пока дети переодевались, Джамиля и сама пошла в спальню, чтобы переодеться. Уктам пошел следом. Увидев разложенный на кровати молочно-серый джемпер, жена сделала вид, что не заметила. Уктам взяв с кровати джемпер, подошел к ней.

— Это тебе, любимая! — сказал он, обнимая её за талию.

— Ой, какой красивый! Спасибо, любимый!

Не дав ей договорить, Уктам прильнул к её губам и долго-долго целовал.

— Папа, папа! — ворвался в комнату Карим, приводя родителей в смущение и совершенно не замечая этого.

— Что тебе, сынок? — с досадой спросил Уктам.

— Пап, ты знаешь, мы с мамой решили, что со следующего года я пойду в музыкальную школу! — радостно сообщил

мальчик.

— Правильно сделаешь! А на каком инструменте ты хочешь играть?

— Не знаю! Я ещё не решил. Мама сказала: «Подумай сам! Что тебе больше нравится, на том и будешь играть». Вот я и думаю.

— Правильно! Подумай хорошенько, — у тебя ещё есть время. Может, и вместе подумаем!

Карим ещё хотел что-то сказать, но его прервала Джамиля:

— Я тебе что сказала? Иди вначале переоденься, а потом все расскажешь папе.

— Ладно, — уныло соглашаясь, сын вышел из комнаты.

Быстренько переодевшись, Джамиля пошла на кухню, чтобы помочь свекрови готовить плов.

Уктам, положив в пакет гостинцы, купленные детям, вышел в далани стал ждать их. Переодевшись, один за другим они выбежали из комнаты и опять со всех сторон прильнули к нему.

— Подождите, дети, подождите минуту! — отстранил их отец, доставая из пакета приготовленные подарки.

— Это тебе, Каримжон! — и отдал сыну теплую курточку из кожаменителя, обшитую искусственным мехом.

— А это вам, девочки мои! — и вручил дочкам по паре маленьких красивых сапожек, ярко красного цвета. От радости дети опять полезли к отцу с поцелуями и объятиями.

— Идите, покажите маме и бабушке ваши гостинцы. Ну, идите, идите, покажите бабуле подарки! — Уктам с трудом смог оторвать от себя детей.

Плов как всегда получился на славу. Когда Джамиля принесла его к столу, дымящийся и источающий аромат, Уктам, сладостно принюхиваясь, заметил:

— Вот бы пиалу водки к нему!

— А водка есть —немного осталось в той бутылке, из которой Вы пили в день отъезда, —сообщила жена.

— Как, до сих пор стоит? —удивился Уктам.

— А кто же её выпьет, кроме тебя? —вставила мама.

— И вправду. Принеси ее, пожалуйста, дорогая! —попросил он жену.

— Плов Вы, наверное, как уехали, не ели? —ради интереса спросила Джамиля.

— Нет, почему? Ели, не такой как у тебя, конечно, но ели.

И Уктам вкратце рассказал, как они гостили в Зеленодольске, с каким радушием их там встретили. С восхищением рассказал про русскую баню.

— Надо же... — И что, в самом деле, скучают по Узбекистану? —с интересом спросила мать.

— Да, говорят, что очень скучают.

— Ну, а зачем тогда уехали?

— Мама, Татарстан —их Родина. Сабит-аби прожил всю жизнь в Узбекистане, но видимо решил последние годы провести на родине. Да, к тому же сама видишь, как сейчас труд-

но у нас. В России сейчас тоже не сладко, но в перспективе там все-таки лучше. Впрочем, и сейчас там лучше, чем у нас.

Вплоть до самого вечера дети не давали отцу покоя, слегка утомляя избытком внимания. Джамиля отгоняла их, даже прикрикивала, чтобы дали отдохнуть хоть часок после долгой дороги. Отойдя минут на 10—15, то один, то другой, с поводом или без повода, снова обращались к отцу с какими-нибудь вопросами, но получив ответ, все равно долго не отходили от него. Остаться наедине в течение дня у супругов так и не получилось.

Семья ужинала позже обычного. Потом все вместе сидели ещё около двух часов в окружении детей возле телевизора. И только после девяти часов вечера Джамиле удалось уложить детей спать.

В спальне, лежа раздетый на кровати, он с великим нетерпением ждал жену, как молодой жених в первую брачную ночь. Джамиля сначала возилась в детской, укладывая детей, потом делала еще какие-то дела.

Наконец она пришла, скинув халат, легла рядом. Через мгновение, он как хищник, который молниеносным рывком бросается на свою жертву, бросился на неё, заключая в свои объятия, целуя её и крепко прижимая к себе. Она беспомощно пыталась чуть отстраниться, чтобы снять нижнее бельё, но он в порыве страсти сам моментально сдернул с неё всё, страстно прильнув к её губам, шее, груди, с нежностью вдыхая запах её тела.

Под утро, когда ещё и рассвет не заблестел, Уктам проснулся от случайного прикосновения рук жены. В этот момент, кажется, проснулась и она. Легкого прикосновения было достаточно, чтобы в нем опять пробудилось страстное, неудержимое желание тела жены.

Окончательно проснулся Уктам от шороха. Джамиля торопливо одевалась. Видимо, она уже сходила в ванную — банное полотенце лежало на краю кровати. Она стояла, повернувшись спиной, и в спешке натягивала на себя верхнюю одежду.

– Доброе утро, жена! — промолвил он, блаженно улыбаясь.

– Доброе утро! — ответила Джамиля, продолжая одеваться.

– Куда ты так торопишься? Иди ко мне, родная! – в шутку позвал он её.

– Мне не до шуток! — сердито отозвалась она. — Проспала я сегодня. Дети ещё не завтракали.

– Ничего, покорми их, отправь в школу, а сама иди ко мне! — все шутил он.

– Вы что? В своем уме? Отправить одних в садик, в школу, чтобы потом вся школа смеялась надо мной?! Чтобы говорили: «Вот муж приехал, и она оторваться от него не может»? — обиделась женщина. — Спите лучше! Спешить-то Вам некуда, — бросила она, уходи.

И вправду, спешить ему было некуда, но и спать тоже

не хотелось.

Дождавшись, когда Джамиля и дети ушли, он встал. Не спеша помылся в ванной, побрился и вышел на кухню позавтракать.

Мать, сидя возле хан-тахты, что-то штопала.

— Проснулся? Ну, садись, —позавтракай! Джамиля все приготовила. Только вот чай, наверное, совсем остыл, если хочешь, —завари горячий. Или мне заварить? —пытаясь приподняться, сказала она.

— Нет, нет, мама! Сиди, —я сам заварю.

Выпив остывший, он заварил себе черный крепкий чай. Сев напротив матери, не спеша, начал завтракать.

— Ну, как съездил? Ты толком так и не рассказал, —спросила Фатима-опа

— Нормально, мама. Можно сказать, даже хорошо. Рахим с Анваром проводили нас до самого вагона. Помогли сесть.

Уктам рассказал матери подробно о своей поездке. Умолчал только о трагедии, случившейся в Казани. —«Зачем лишний раз огорчать старую женщину, вызывать у неё жалость и лишнее беспокойство во время следующих поездок?» —посчитал он.

— Но, Слава Аллаху, если только так сынок. Дай Бог, чтобы всегда у тебя дела шли так.

Больше часу он просидел с матерью, рассказывая ей о поездке. Она, давно закончив своё штопанье, внимательно слушала его.

– И ещё раз, дай тебе Аллах, сил и здоровья, сынок! Не лёгкий путь ты выбрал в жизни. —Сказала она, приподнимаясь. —Пойду, взгляну на корову, на кур посмотрю, а то я совсем засиделась.

Встал и Уктам. Мать ушла в огород, он направился в спальню. В тумбочке рядом с кроватью лежал томик Джека Лондона, не раз перечитанный им, но каждый раз он находил в его рассказах что-то новое. Полистав, остановился на рассказе «Дом». Прочитав несколько страниц, он не заметил, как уснул. Проснулся он, услышав детей. Шумели они, наверное, специально, чтобы разбудить отца. Джамиля хотела их выпроводить из спальни, но он уже проснулся.

– Значит, уже около часу, если они вернулись со школы, —подумал Уктам. —Выходит, я проспал больше двух часов.

Увидев, что отец проснулся, дети бросились к нему на кровать.

– Ну вот, вы специально шумели, чтобы разбудить папу! —упрекнула их Джамиля.

– Ничего. Правильно сделали, что разбудили! —заступился Уктам, лежа и обнимая их.

– Хорошо, если уже проснулись, вставайте, умойтесь, а они пусть переоденутся. Мама приготовила обед. Пойду, помогу ей! —сказала Джамиля, выходя из комнаты.

На обед мама приготовила жаркое. За долгие годы бережливость Фатимы-опа только увеличилась. Мясо она всегда экономила, поэтому в жарком мяса было очень мало, но, тем

не менее, все ели с удовольствием. Сегодня все было как вчера, с той только разницей, что отсутствовала их младшенькая — Шахида, которая была ещё в садике. К пяти часам Джамиля ушла за ней.

Вечер провели как обычно. И опять он в нетерпеливом ожидании лежал в кровати, ожидая жену. Опять они страстно занимались любовью.

На третий день Уктам проснулся утром, когда Джамиля с детьми ушла. Опять, как и накануне позавтракал, сидя напротив матери.

Потом он собирался пойти в спальню — поваляться с книгой, но услышал стук и скрип открывающейся двери.

Когда Уктам вышел в далан, там стоял Касым.

— Привет работникам челночной торговли! — подняв правую руку, шутливо приветствовал он друга.

— Салам, Касым! Заходи! — обрадовался Уктам.

— Нет. Собирайся сам. Кстати, как отдохнул? — спросил он.

— Отлично! Лучше некуда!

— Вот и хорошо! Одевайся, и пошли. Впрочем, ты можешь и так пойти. Только куртку надень.

— Куда это мы пойдем? — удивился Уктам.

— Ко мне домой. Поэтому можешь и в домашней одежде.

— А зачем? — опять задал вопрос Уктам.

— Затем, что нам с тобой надо посидеть часик или два, подсчитать наши расходы, доходы. Ну, давай, пошли! — торопил Касым.

– Мама, я сейчас приду! – крикнул Уктам, направляясь вслед за Касымом.

В доме у Касыма, кроме матери никого не было. Она занималась чем-то в глубине сада и не видела, как уходил Касым, и как вернулся вместе с Уктамом.

Зашли они в ту самую комнату, где перед отъездом устраивали застолье. Длинный стол хан-тахта сегодня пустовал.

– Чаю поставить? Будешь? – для приличия спросил Касым.

– Нет. Спасибо! Я только позавтракал, – ответил он.

– Хорошо. Тогда садись вот сюда, – указал Касым на место по левую сторону хан-тахты и сам сел рядом. Затем вытащил из кармана темно-коричневый блокнот и раскрыл его.

– Здесь у меня всё записано, Уктам. — Вот в этом столбике расходы и мои и твои, по отдельности. Всё записано по числам. У кого что брали, кому и сколько отдали за товар. Кому задолжали. В общем, непонятного здесь ничего нет. На, взгляни сам, – подвинул блокнот Касым.

– Да, что я буду смотреть? Я верю тебе! – стал отказываться Уктам.

– Нет, так не пойдет. Как говорится: «Доверяй, но и проверяй», Уктам. — Ты хорошенько посмотри, может, что-то я забыл, не записал. Я же с самого начала советовал тебе завести такой же блокнот и все записывать. А ты сказал, что память у тебя отличная, все запомнишь. Так что смотри и вспоминай, всё ли точно я записал.

Уктам взял блокнот и стал рассматривать записанные Касымом цифры, числа.

Всё было записано аккуратно и четко. Числа и даты, у кого, в какой день что купили, кто сколько вложил. На второй странице блокнота было записано, где и когда продали товар.

Минут пять-шесть Уктам внимательно всматривался в ровный, красивый почерк Касыма.

– Да, всё правильно. Всё так, – наконец сказал он.

Касым усмехнулся:

– Говоришь, все правильно. А вот не так! Я специально, чтобы проверить тебя, не записал две операции. Вот здесь, в этот день, смотри, мы разве ничего не брали?

– Не помню, —честно признался Уктам.

– То-то же. Я это записал, только на последней странице блокнота, —он открыл последнюю страницу и показал записанное им число, название товара и счет в деньгах. —Вот! А ты – «всё запомню». Черта с два тут всё запомнишь. — И ещё я записал здесь —вот это мы продавали в первый день в Нижнем. – Так, что дорогой мой, это тебе ещё один урок.

– Но ты ведь не обманешь меня?! – теперь уже не очень уверенно сказал Уктам.

– Я-то не обману. Но я тоже могу ошибиться или забыть. Всякое может быть. Поэтому ты тоже должен вести записи, наподобие этих. У нас в народе говорят: «Друзья, имеющие точные счета, никогда не расстаются». В нашем деле всегда должны быть точные счета. Одна небольшая неточность мо-

жет привести к сомнениям. А сомнение, со временем превращается в недоверие. А недоверие всегда приводит к разрыву в отношениях.

– Понял! – признался Уктам.

– Ну, если понял, —идем дальше. В общем, приплюсуем к этому списку купленный товар, а к этому —проданный и в итоге получается вот что. Ты при закупке товаров израсходовал 595 долларов, я —чуть меньше. Здесь вот ты оплатил товар полностью у Эргаша, помнишь?

– Ну да, он же в долг не отдал, – подтвердил Уктам.

– А я на семьдесят долларов меньше, —продолжил Касым. —Вычитаем это, приплюсовывая мои расходы на турпутевку, то есть на билеты в поезд, —вот эти расходы, —показал он затем на столбик под своим именем, и в итоге получается, что я израсходовал на 60 долларов больше, чем ты. – Проверь ещё раз, все ли правильно, – подвинул он записи к Уктаму.

– Да, правильно все! – отодвинул он блокнот обратно.

– Ну, тогда я убираю свои 60, и в итоге у нас без запчастей получается по 240 долларов чистого навару. Ещё запчасти потянут под 100, ну, может, чуть меньше.

– Нормально, – радость озарила лицо Уктама.

– Конечно, неплохо, Уктамчик. Ты в своем колхозе эти деньги и за полгода бы не заработал. —Но учти, эта поездка была успешная только благодаря тому, что поезд был туристическо-коммерческий, а такие поезда бывают раз в полго-

да. На этот раз благодаря нашим местным властям, в первую очередь таможенники наши не так придирались, и другие службы тоже. В обычном поезде таких поблажек не будет.

– Ты говоришь, не очень придирались на этот раз? Предлагаю, если по-настоящему будут проверять!

– Вот и представь себе. Ладно, проехали! Не впервой, — прорвемся! — Теперь вот что: надо найти покупателя на запчасти, отдать долги Эшмату, другим продавцам. Если хочешь, после обеда поедем и попробуем решить эти вопросы. Если нет, — поеду один, а завтра с утра повезем запчасти.

– Поеду, конечно, что мне еще делать? От скуки не знаю, куда себя девать.

– Ладно, скажу маме, что бы приготовила нам на обед чего-нибудь, — поднялся Касым.

– Нет, я пойду Касым, — обедай сам. Мама у меня тоже обед готовит, не приду — обидится, — сказал Уктам, вставая.

– Ну, как хочешь! — не обиделся Касым. — Тогда ровно в половине второго подходи ко мне.

На том и расстались.

Как и договаривались, после обеда, ровно в половине второго они отъехали от дома Касыма на его «шестерке». Поехали напрямик на местный рынок запчастей. Рынок был небольшой, продавцов было не больше двух дюжин, а покупателей — и того меньше. Походили по рядам прилавков, точнее примитивных, кустарно сделанных металлических столов из арматуры. Интересовали их, конечно, цены

на запчасти, привезенные ими самими.

Касым, как настоящий торгош, желающий купить ту или иную деталь, торговался с продавцом, желая сбить цену. Продавцы почему-то сегодня были уступчивыми: десять иногда даже двадцать процентов уступали. Наконец, Касым перешел к делу и предложил купить детали у них ещё дешевле, но оптом.

— И по какой цене ты хочешь отдать? — усмехнулся парень-продавец с двухдневной щетиной на худощавом лице, плотнее кутаясь в овчинный тулуп.

Касым назвал цену.

Тот ещё больше усмехнулся:

— Джура, если бы ты неделю назад мне предложил — я ещё взял бы. Но сегодня по этой цене не могу.

— Почему? — удивленно спросил Касым.

— Да этими запчастями за два дня всю область завалили. Ты тоже, наверное, с поезда, что прибыл из Нижнего Новгорода? — посмеиваясь, ответил тот. — На реализацию могу взять, а за наличные не надо. — Можешь и к другим обратиться, но, думаю, ответ будет тот же.

— Понятно. Подумаю, — с досадой отошел от него Касым.

— Кажется, мы пролетели с этими запчастями, — сказал Касым, когда они отошли в сторону. Видимо не только мы с тобой накупили такие запчасти в Нижнем. Те, другие, в отличие от нас, два дня зря времени не теряли, уже успели наводнить все рынки области.

– Что же тогда будем делать? – встревожено спросил Уктам.

– Не знаю! Подождем дня два-три, посмотрим. Отдавать на реализацию нет смысла. Когда они продадут, —неизвестно. Может, и полгода протянут. —Ладно, поехали пока к Эшмату —расплатимся с ним, да и с другими тоже. Потом решим! – решительно заявил Касым, направляясь к выходу.

Последующие два дня они расплачивались с кредиторами, ездили на рынок запчастей областного центра. Картина там была та же самая. Решали ещё кое-какие дела. А на третий день, когда они подъезжали к дому Касыма, он как бы между прочим заметил:

– Надо было с ребятами как-то встретится, посидеть где-нибудь. Завтра будет неделя, как приехали, а мы ещё ни разу с ними не повидались.

– Да, неудобно как-то получилось, – поддержал его Уктам. —Может, ко мне домой их позвать? Я же всё-таки должен проставиться, как обещал.

– Ничего ты не должен! Успеешь ещё. —Кафе новое, говорят, открылось в городе —на Хлопкозаводской улице. Там раньше была общепитовская столовая, помнишь?

– Знаю.

– Так вот, эту столовую не то выкупил, не то в аренду взял Рузмат-ошпаз, он всегда отлично готовил. Отремонтировал, столы, стулья приличные поставил. А сейчас, говорят, это самое лучшее кафе в городе. Там и посидим вечером. Ты по-

ка отдыхай дома, а я съезжу к ребятам на работу. Приглашу их на вечер туда.

– А что я дома буду делать, может, и я с тобой поеду?

– Как хочешь. Тогда к двум подходи ко мне, — не стал возражать Касым, останавливая машину возле своего дома.

Как условились, к двум часам Уктам пришел к Касыму. Его дома не оказалось. Вышла его мама:

– Уктам сынок, Касым сказал, что у него возникло какое-то срочное дело, и уехал. Второпях быстро пообедал и сорвался куда-то. Сказал, что бы ты к шести часам сам пришел на то место, где вы должны встретиться.

Уктаму ничего другого не оставалось, как вернуться домой и ждать вечера.

Незадолго до шести часов, он оделся и не спеша пошел на Хлопкозаводскую улицу. Через 20 минут, он был на месте. Возле кафе стояли несколько машин, в том числе и автомобиль Касыма.

Уктам уже собирался войти, как услышал сзади знакомый голос:

– Алло, молодой человек, куда это Вы так спешите? – это был Анвар.

Откуда он появился, Уктам так и не понял.

– Пламенный привет работникам торговли! – улыбаясь, приветствовал Анвар. Приподнял правую руку и торжественно помахал, в стиле лидеров КПСС.

Друзья обнялись. Анвар даже раза два приподнял Уктама,

смеясь и расспрашивая о делах, здоровье и прочем.

Они вошли. Кафе и в самом деле приятно удивило их. Некогда обшарпанная не то общепитовская, не то заводская столовка с искривленными алюминиевыми ложками, посудой в трещинах и сколах и грязными колченогими столами и стульями превратилась во вполне приличное заведение. Потолок, стены кафе было заново отремонтированы, красиво отделаны лепниной. Правда, выглядело все аляповато, поскольку слишком много разных оттенков было использовано. Достаточно было и одного или двух цветов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.